

Заветные думы служителя Церкви протоиерей Иоанн Соловьёв

Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно (Кол. 2:8–9).

Кто не имеет матерью Церкви, не может иметь и Бога Отцом (Св. Киприан Карф., «О единстве Церкви Христовой»).

Воспитывайте детей не вне Церкви и не рядом с нею, но в самой Церкви и вместе с нею. (В. Г.)

Когда только-что заговорили о восстановлении церковно-приходских школ для народа, некоторые из сторонников рационалистического либерализма скептически говорили: «уже не хотят ли воротить домостроевские идеалы, забывая, что история идет вперед, а не назад». Но говорили, как оказалось, напрасно. Духовенство с примерным усердием откликнулось на царский призыв к участию в деле народного образования в духе православной веры по исконно-русским заветам, и вот прошло 18 лет со дня обнародования первого положения о церковно-приходских школах, как школ этих насчитывается уже свыше 40.000 с полтора миллионами учащихся в них.

Сын и Наследник великого Царя, призвавшего к жизни церковно-приходские школы, ныне благополучно царствующий Государь Император, еще в самом начале Своего царствования, в октябре 1894 года, когда тогдашний министр народного просвещения, гр. И.Д. Делянов удостоился принести Его Величеству приветствие и выражение верноподданнических чувств от лица всего своего ведомства, изволил сказать: *Передайте детям и юношам Мое сердечное пожелание, чтобы величавый образ великого душою Монарха служил им руководящим светочем в нравственном усовершенствовании.* Смысл этого первого царского слова о задачах и характере народного просвещения ясен; но ясно также и то, что указанные в нем нравственно-воспитательные задачи образования, как понимал их «великий душою Монарх», как *pia desideria* молодого Царя относились не столько к воспитанникам низших народных училищ, где эти православно-русские воззрения Императора Александра III уже нашли свое выражение в школах церковно-приходских, сколько к школам средним и высшим, к реформе которых поэтому и приступлено было потом. Когда в прошедшем году комиссией по вопросу о преобразовании средне-учебных заведений были представлены на

благоусмотрение Государя Императора выработанные ею планы преобразования, Его Величеству благоугодно было начертать: *Надеюсь, что на религиозно-нравственное воспитание обращено будет особенное внимание.* А ныне, ровно через год после этой резолюции, в Своем рескрипте вновь назначенному г. министру народного просвещения Государь снова повторяет то же слово о нравственно-воспитательном значении образования в средней и высшей школах. Неужели и это – уже третье по счету, ясное, как день, по своему смыслу и твердое, как закон, по своей форме царское слово о необходимости вернуть наше среднее и высшее образование на истиннорусский путь веры и Церкви – не станет таким же могучим и действенным, каким оказалось слово Его великого душою родителя о школах народных? Неужели и теперь преобразование средних и высших школ в указанном Государем отношении не станет коренным переустройством их, а будет какой-либо внешней, ничего не значащей поправкой? О, да не будет сего!

Поставив задачей своего журнала отвечать на запросы религиозной мысли и духовной жизни современного общества в противодействие рационализму и неверию, мы с самого начала открыли страницы его для обсуждения вопроса о воспитании и образовании нашего юношества в духе православной веры и Церкви и в одной из первых же книжек журнала (в статье: «Церковь и школа») говорили о тех отклонениях средней и высшей светских школ от духовно-просветительного и благодатного воздействия на них со стороны православной Церкви, какие со времен Петра Великого проникли в них с Запада и в последнее время дошли до крайних пределов, и о необходимости позаботиться об устранении этих отклонений. Эти же мысли в частности и подробностях, с разных сторон и разными способами много раз раскрываемы и развиваемы были и после в статьях наших уважаемых сотрудников – оо. Гобчанского, Никанорова, Побединского, Страхова, проф. Зографа, г. Румянцева и мн. других; в большинстве случаев, статьи эти прежде печатания их были прочитываемы и обсуждаемы в собраниях «Отделения педагогического общества при Московском университете по вопросам религиозно-нравственного образования». Об этом же нравственно-воспитательном значении и характер среднего образования и необходимости вести его не только в духе православной веры, а и в полном и внутреннем единении с уставами и заветами Церкви, под ее благодатным покровом, говорили мы и раньше издания журнала и в «Московских Ведомостях» (напр. в статье: «О классическом образовании и христианском воспитании», 1891 г., 1–2 октября), и в ежегодно издаваемых календарях лицея Цесаревича Николая

(см., напр., традиции лица о единении школы с Церковью, из истории церковно-греческого языка в России и некоторые поучения).

После всего этого сказанного нами и у нас сказать по этому вопросу что-либо существенно новое мы не сумеем; тем не менее, крепко уверенные, что теперь именно говорить об этом насущном вопросе без утайки и смущения есть не только право каждого, кому дорого детское счастье, а и долг совести, мы снова решаемся говорить, хотя бы то же, что говорили и прежде.

I глава

Прежде всего мы думаем, что жестоко ошибаются те, которые существо предстоящей реформы средней школы полагают в уничтожении того раздвоения, какое существует в ней в настоящее время, и потому главным предметом обсуждения ставят вопрос о сравнительном достоинстве и значении классического и реального образования. Крепко стоя за необходимость строго-классического образования в средней школе, понимаемой в смысле подготовительной к усвоению университетской науки¹, мы не отрицаем значения и за школой реальной для ищущих высшего технического образования и согласны допустить, что «в данную минуту в силу социальных и экономических условий Россия в реальном, техническом образовании нуждается не менее, чем в классическом»². В соответствии с этим мы думаем, что предстоящая реформа среднего образования в России должна состоять не в создании единой школы – классической ли, или реальной, а в упорядочении и благоустройении той и другой. Вопрос, следовательно, в том, в чем должно состоять это благоустройство того и другого образования.

Непреложная истина, что оба эти рода образования существенно до невозможности их смешения различны между собою, как так же существенно различны между собой и обнимаемые тем и другим области ведения, мир видимый – материальный и невидимый – духовный, опыт внешний и внутренний. Как бы ни усиливались представители и сторонники позитивизма свести все явления духовной жизни человека к области материи и силы, в результате всего окажется, что обе эти области, как и обнимающие их гуманитарная и реальная науки, никогда не могут слиться между собой, но так же, как две совершенно параллельные линии, не могут и не должны и расходиться; оба названные рода образования, как и обнимаемые ими области ведения, идя каждое своею дорогой, должны быть в гармоническом единении между собою, оба вести своих питомцев к одной и той же конечной цели.

В рассуждении же этой конечной цели достойно внимания самое слово *образование*. Безобразным мы называем то явление или тот предмет, части которого развиты несоответственно назначению и значению каждой из них и не согласованы между собою. Это определение имеет отношение и к образованию человека. Конечно, весьма важно правило древних, чтобы в здоровом теле был здоровый дух; но, тем не менее, безобразным мы назовем не человека немощного телом и великого духом, а наоборот,

здорового телом и убогого духом; это от того, что душа человека безмерно выше его тела. *Кая польза человеку, сказал Господь, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит (Мф. 16, 16)*. Следовательно, и образование человека, должно состоят в развитии духа и тела не равномерном, а соответственном значению того и другого – и потому грустное явление должны представлять собою школы, где *особенное* внимание обращается на физическое развитие детей. Духовное, а не физическое развитие детей должно быть конечной целью – предметом особенного внимания всякой школы не только строго классической, а и исключительно реальной, технической в самом узком смысле этого слова, как прямо и решительно сказано это в одном из последних циркуляров г.министра о самом физическом развитии детей.

Для того же, чтобы уяснить себе сущность и значение духовного развития человека, нужно помнить, что человек создан по образу Божию, который в душе его. Бог един по существу, но троичен в лицах. Отец, не рождающийся и не исходящий, Сын, вечно рождающийся от Отца, и Св. Дух, вечно от Него исходящий; будучи различны в этих личных Своих свойствах, и в соответствии с ними в личных Своих действиях, все Они в равной и бесконечной мере обладают божескими свойствами и действиями; обаче не три Бога, но един Бог. В полном соответствии с этим первообразом нашим – Богом должен быть и образ Его – наша душа. Едина по существу, она тройственна в своих силах и действиях; ум, сердце и воля, различаясь между собой до невозможности их смешения и взаимной замены, в равной мере должны проявлять собою душевную жизнь, и каждая из этих сил, в своей деятельности являясь со свойственными ей особенностями, живет и действует не в разобщении с другими силами, но нераздельно и неразлучно с ними, в постоянном внутреннем взаимообщении, так или иначе обуславливая их собою и сама обуславливаясь ими. Но образ никогда не может быть тождественным со своим первообразом и, будучи по своему существу его отображением, может лишь напоминать его, уподобляться ему и в этом уподоблении может все более и более приближаться к нему, как своему идеалу, или бесконечному совершенству. Будьте совершенны, как Отец ваш совершен есть, – вот идеал духовной жизни человека, указанный нам Самим Спасителем нашим Господом Иисусом Христом (*Мф. 5:48*); поэтому-то святых Божьих, смысл жизни которых и состоял в постоянном богоуподоблении, мы и именуем преподобными³.

В силу неразрывной внутренней связи основных душевных сил человека, искусственное и усиленное развитие одной из них с

небрежением о других не ведет необходимо к подавлению деятельности или прекращению жизни этих последних, а лишь к тому, что они, как имеющие независимое от первых существование, самостоятельное значение и характер, развиваются, может – быть, не так усиленно, как те, но непременно всегда и, разумеется в нежелательном направлении. При искусственном же и усиленном развитии одних лишь умственных сил без соответствующего ему по своим качествам развития воли и сердца происходит даже нечто большее, именно самое это развитие ума становится в своем характере, и направлении в зависимость от развития воли и сердца. Дело в том, что разум, или познавательная сила нашей души не мыслима без свободы, которая есть способность души не только сознавать совершающиеся в ней умственные процессы собственным достоинством, а и управлять ими и направлять их сообразно с влечениями и привязанностями сердца: сердце, по учению слова Божия, есть исходное начало и всей вообще душевной жизни человека. *Из сердца, говорит Господь, исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельство, хуления* (Мф. 15:19); и в другой раз: *где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то и все тело твое будет, светло; если око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?* (Мф. 6:21–23). Эти слова Господа с непререкаемой несомненностью говорят о том, как много зла в жизни человеческой происходит от испорченного сердца, когда, лукаво извращая положение дела, человек сокровищем сердца своего имеет не Бога, а себя самого. Такое изменение, так сказать, центра душевной жизни неизбежно влечет за собою перемену и в направлении воли и в образе мыслей. Самолюбие в самых разнообразных и потаенных изгибах его неразлучно с самомнением, а отсюда само собою неизбежно и своеволие. Как свет не производит жизни без тепла, так и знание, как бы велико и даже истинно оно ни было, если оно не сопровождается любовью сердца, не приводит человека к совершенству. *Разум, как говорит апостол, кичит, и лишь любовь созидает* (1Кор.8:1). Без любви он, как свет без тепла, чем ярче светит, тем больше мертвит, и вот результатом всего является злая истина... Ведь в том и сила дьявольского зла, что оно очень умно, что на него – на его развитие употреблены все силы ума и воли, и кто же не знает, что зло тем злее, чем оно умнее! Кто же не знает, как злое сердце в пользу зла употребляет самые святые истины! И что иное означает собою сверхчеловек Ницше, как не олицетворение этого именно представителя злой истины, все разрушающей, все отрицающей, все сокрушающей? И

Боже, какой страшный конец этого сумасшедшего!

Таковы психологические основы духовного развития человека, по учению Библии. Как ни кратко изложено нами это учение, его этого изложения вполне достаточно, думаем, чтобы видеть самый, так сказать, корень существенных недочетов современного образования и вместе тот путь, по которому должно идти к их устранению.

Основным недостатком современного образования должно считать то, что под образованием разумеют развитие одних лишь умственных сил человека и обогащение их всевозможными знаниями, без всякой мысли о соответствующем этому развитию сердца и воли человека. С замечательною меткостью это именно, как существенное зло нашей, средней и высшей школы, и выяснено в Высочайшем рескрипте Государя Императора, на имя управляющего министерством просвещения. «Прежде всего, подтверждаю», говорит Государь Император, «Мое требование, чтобы в школе с образованием юношества соединялось и воспитание его в духе веры и преданности престолу и отечеству и уважения к семье, а также забота о том, чтобы с умственным и физическим развитием молодежи приучать ее с ранних лет к порядку и дисциплине. Школа, из которой выходит юноша с одними лишь курсовыми познаниями, не сродненный религиозно-нравственным воспитанием с чувством долга, с дисциплиной и с уважением к старшим, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубные для каждого человека, своеволие и самомнение».

Таким образом, но прямому смыслу приведенных нами слов Государя, образование должно состоять не в обучении только, а прежде всего в воспитании в духе веры Христовой, исповедуемой, разумеется, православною Церковью, и в согласовании с ним самого обучения. Но в этих словах, жизненная истинность которых не подлежит сомнению, указана лишь, так сказать, сущность этой реформы, в ее основных принципиальных чертах, намечен лишь путь, по которому должна идти она, но не раскрыто в частностях и подробностях самое ведение этого дела. В разъяснении этих подробностей реформы, в приложении указанных начал ее к отдельным сторонам этого великого дела и должна состоять работа всех ревнителей и деятелей истинного просвещения.

Для противодействия отмеченным неурядицам современного образования в Высочайшем рескрипте указана существенно важной забота об устройстве общежитий и пансионов не только при средних, а и при высших учебных заведениях, и с этим нельзя, конечно, не согласиться; ибо при такой только постановке дела вполне возможно удобно освободить

учащееся юношество от тех тлетворных в духовно-нравственном отношении влияний, которым и наши дети так легко поддаются вне школы. В Англии, где воспитательное дело строго и прочно организовано, устройство колледжей считается необходимым условием школы даже высшей, и все учащиеся обязательно живут в интернатах, строго соблюдая установленный порядок жизни, и изъяты от всякого участия в общественной жизни. Достоин внимания в этом отношении то, что в старое время духовные школы устраивались не в городах, как центрах общественной жизни, а вдали от них, в тишине монастырского уединения. Заметим, что в этом случае руководители старой духовной школы имели в виду уроки и древнего греческого мира: известно, что древнегреческие гимназии обычно устраивались за городом; в знаменитой Афинской гимназии, посвященной Аполлону Ликейскому (*Λυκείον* – лицей) великий Аристотель учил, гуляя по аллеям сада.

Но как бы ни было велико значение этой меры, как бы ни важно было со стороны общества в этом именно смысле – в заботах об устройстве общежитий и пансионатов при учебных заведениях выразить свое участие в предпринимаемой реформе этих заведений прежде всего, все же нужно сказать, что мера эта внешняя, лишь облегчающая введение реформы в желательном направлении, но существа ее не касающаяся; ибо и в общежитиях и в пансионах возможен такой порядок дела, который будет идти в разрез с намеченными ею идеалами. Дело не в стенах, которыми ограждается заведение от тлетворного влияния улицы, а в самом строе жизни этого заведения – в том духе и направлении, в каком ведется за этими стенами дело образования обучения и воспитания. Об этом-то и будет наша дальнейшая речь.

Но прежде, чем говорить о воспитании, имеющем прямою свою задачу образование сердца и воли в духе веры православной Церкви, остановимся на вопросе об обучении, которое, по слову Царскому, должно идти рука об руку с воспитанием, само быть воспитательным. В данном случае, без сомнения, не то только разумеется, что каждый учитель обязан своим добрым поведением воспитательным образом действовать на своих учеников, а и то главным образом, что он в самом преподавании своем, даже со стороны его содержания, должен иметь в виду воспитательные задачи в духе православной веры.

Что такие задачи в своем преподавании должен иметь в виду *законоучитель*, как классный преподаватель Закона Божия, этого никто, конечно, не отрицает и даже больше; в последнее время очень распространено мнение, что на уроках закона Божия как можно меньше

должно быть сообщено разных догматических, исторических и обрядовых сведений, чтобы тем удобнее было вести нравоучительные беседы. Между современными деятелями просвещения есть немало таких, которые, выходя из рационалистического понимания религии, как одной лишь морали без догмата и культа, в роде учения гр. Л. Н. Толстого, готовы всю ответственность за духовно-нравственную неблаговоспитанность молодежи возложить на одних лишь законоучителей, на то, что занятые на своих уроках догматикой, историей и богослужением, они мало и худо учат детей доброй нравственности, очевидно, забывая не только то, что нравоучения нет без вероучения, а и то главным образом, что тому же обязаны учить своими уроками и все остальные преподаватели. Мало того, они говорят даже, что внесение нравственно-воспитательных задач в духе веры Христовой в преподавание светских наук не только неприложимо на деле, а и несогласно с истиной. «Каждая наука», говорят они, «имеет свой строго определенный круг предметов, никакого отношения ни к нравственности, ни к вероучению не имеющих, и задача учителя состоит в том, чтобы ознакомить учеников с этим кругом предметов не только в основных чертах, а, по возможности, с обстоятельными подробностями». При таком понимании дела, по их мнению, введение воспитательного в религиозно-нравственном отношении элемента в преподавание светских наук стоит, будто бы, в прямом противоречии с самым понятием о науке.

Но так ли это на самом деле, в этом позволительно усомниться. Прежде всего, совершенно несправедливо смешивать научное изучение предмета с учебным его преподаванием в школе даже высшей. Эти два дела настолько существенно различны между собой и по своим целям, и по своим приемам, и по самому кругу предметов, подлежащих их ведению, что то, что можно сказать об одном, совсем неприложимо к другому. Не учебное или школьное, а именно научное изучение предмета имеет своей задачей всестороннее обследование его с целью определения его сущности, отношения к другим предметам и возможных значений; для достижения этой цели для ученого не только позволительны, а и обязательны самые разнообразные приемы обследования предмета, разного рода гипотезы, предположения, опыты, отыскивание и проверка свидетельств и т. п.; в них-то именно и состоит самая сущность ученой работы. Школьное же изучение предмета, имеет своей задачей познакомить учеников с положительными результатами всей этой кабинетной работы ученых, точно проверенными и документально доказанными, и потому может пользоваться приемами ученых лишь для

подтверждения или объяснения этих положений.

Нет, конечно, сомнения в том, что в последнее время науки – и реальные, имеющие предметом своим видимую природу, и гуманитарные, обнимающие собою жизнь человеческого духа в самых разнообразных ее проявлениях, – разрослись так широко, что едва можно окинуть взором все их содержание; в соответствии с этим также широко развились и те практические выводы из этих наук, которые определяют собою самый строй человеческой жизни. Но и в этом в собственном смысле слова научном отношении умственная работа может не иметь воспитательного в религиозно-нравственном смысле значения только при одностороннем направлении этой работы, когда человек, углубляясь все больше и больше в частности и мелочи изучаемого предмета, забывает его общее и основное, когда, ища ответа на вопросы познания, что, как, где, когда и т. п., не задумывается над вопросом о смысле его – его конечных причинах и целях. К сожалению, таково именно и есть, в общем, направление современной науки. Главным предметом ее служит видимая природа в детальном воспроизведении и усвоении действующих в ней сил и существующего порядка; даже жизнь человеческого духа ныне изучается и обследуется не в ее конечных основах, как проявление существа духовного мира, а в ее отношениях к этой именно видимой природе – ее силам и законам в смысле, уравнения ее с жизнью этой природы не только в их происхождении и конечной судьбе, а и в законах деятельности. При таком положении дела, само собой разумеется, не может быть и речи о нравственно-воспитательном значении науки. В видимой природе, взятой в ее отдельности, где все мерой, весом и числом, нет того духовного масштаба, который указал бы человеку идеал его духовной жизни; наоборот, так прославленный в естествоведении дарвинизм приводит близоруких последователей его к материализму, детерминизм ведет ученых поклонников его к фаталистическому принципу в истории, и тогда здесь не остается уже места для Бога и Его законов. Это широкое развитие положительного знания, наряду с низким уровнем философского осмысления этого знания, развивает в людях такой науки крайнюю самомнительность и самодовольство, а их легкомысленных последователей естественно должно приводить и приводит к нравственной беспринципности и даже распущенности. Словом, происходит то, что так ярко и сильно изобразил св. апостол Павел в первой главе своего послания к римлянам, где он, говорит, что люди, которым дано было Богом познавать Его через рассматривание творений, вместо того, чтобы сообразно с этим доступным им разумением Бога (и Его св. воли)

прославлять и благодарить Его, *осуетились в умствованиях своих* (т.е. умом своим обратились к пустым и ничтожным вещам), *и омрачилось неразумное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам и четвероногим и пресмыкающимся* (19–23 ст.). А за этим, по словам апостола, само собой последовала и нравственная распущенность этих людей (24–30). Но этот же апостол выше называет это явление *подавлением истины неправдою*, т.е. явлением ненормальным, неправильным, неистинным и потому заслуживающим гнева Божия (ст. 10).

Конечно, если это направление из области науки и кабинетов ученых перейдет, как уже и переходит, в наши школы, где малоразвитые, малоопытные отроки и юноши едва способны осилить только верхушки науки, преподаваемой им «в популярном изложении», – то, что удивляться, если преподавание светских наук в этих школах но только не имеет никакого положительно-воспитательного значения, а действует прямо в отрицательно-воспитательном смысле! Не смея отрицать горькую правду царского слова о неблаговоспитанности нашей молодежи, посмеют ли сторонники такой науки по-пилатовски умыть руки и сказать, что они не повинны в этой неблаговоспитанности?...

Но в этом ли истинная наука, и к этому ли она должна приводить наших детей? Мы осмеливаемся утверждать, что понимаемые в истинном своем смысле и значении светские науки, не только гуманитарные, а и реальные, не только в их наивысших проявлениях, а и в том их элементарном объеме, в каком преподаются они в наших средних школах, дают немало религиозно-нравственного воспитательного материала, и долг учителей не замалчивать его на своих уроках, а наоборот.

В самом деле, вместо того, чтобы раскрывать и разъяснять, обобщать и распространять, даже на жизнь человеческого духа, существующую в природе борьбу за существование, возводя ее в непреложный закон, разве нельзя находить в той же природе фактов и явлений совершенно противоположного характера? *Небеса поведают славу Божию и творение руку Его возвещает твердь*, говорит Псалмопевец (Пс. 18, 1–3), который в целом ряде других псалмов призывает саму природу хвалить и благословлять Господа, вся премудростью сотворившего. См., напр., Ис. 8, 103, 146 и др. Сколько далее чистых нравоучительных уроков из жизни животного и растительного царств указывает премудрый Соломон в своей книге Притчей? Св. ап. Павел в послании к римлянам, именуемом некоторыми христианской философией, говорит даже о том, как эта

природа, покорившаяся тлению не добровольно, но по воле покорившего ее (ер. Быт. 3, 2), не только стонет и мучается, а и чаёт освободиться от рабства, тления в свободу славы детей Божьих (Римл. 8, 19–21). Нужно ли далее говорить о том, с каким искусством, силой и меткостью отмечали в природе следы премудрости и благодати Божией и уроки духовной жизни верные учению апостольскому св. отцы Церкви? Довольно указать хотя бы, напр., на великого для своего времени естествоведа св. Василия Великого с его «Шестодневом», или на нашего русского златоуста св. Тихона Задонского с его «Сокровищем духовным от мира собираемым». С умилением и чувством глубокой благодарности припоминаем мы лекции по естественнонаучной апологетике заслуженного профессора Московской духовной академии Д. Ф. Голубинского, который поставил своей задачей в защиту христианского мировоззрения раскрывать и разъяснять в его смысле разнообразные явления природы во всех царствах ее, превратно толкуемые неверующими естествоведами, и мы счастливы, что можем сослаться в этом вопросе на его авторитетное слово, начало которого уже было помещено в нашем журнале в статье «Об изучении природы в духе Христовой веры»...

Если таким образом реальные науки могут дать немало воспитательного в религиозно-нравственном отношении материала, то еще больше можно сказать это о науках гуманитарных. В духовных семинариях старого времени, по воспоминаниям только-что названного проф. Моск. дух. академии Д. Ф. Голубинского и других, на уроках словесности образцы тех или иных родов и видов литературных произведений и примеры разных приемов и оборотов речи брались, между прочим, и из Библии: почему оставлен этот добрый обычай теперь?... Конечно, найдутся такие «педанты-учители словесности», да и не одни они, которые обзовут этот обычай выражением схоластически-узкого клерикализма и обвинят предлагающего его восстановление в невежестве, будут говорить о неприменимости этого предложения; но – напрасно. Что в Библии в ее славянском и русском переводах можно находить прекрасные образцы разнообразных родов и видов литературных произведений, не только глубоких и высоких по содержанию, а и прекрасных по своей форме – логической стройности и красоте выражений, об этом свидетельствует то уже, что почти все наши лучшие поэты писали «подражания» псалмам и другим библейским поэтическим произведениям, а великий Пушкин любил читать Четьи Минеи св. Димитрия Ростовского, восторгаясь, между прочим, самым их изложением. И подлинно. Только не читавшие со вниманием Библии

могут не знать, какие художественные образы и обороты речи встречаются, напр., в псалмах, в книге Иова, у пророков Исаии, Иеремии и Иезекиля. А притчи Соломона – по своей образности и меткости разве уступят нашим пословицам? То же нужно сказать и о святоотеческих творениях. Можно ли, напр., но восторгаться так называемыми догматиками прей. Иоанна Дамаскина или составленными им же песнопениями пасхальной утрени? А всем, конечно, хорошо известное огласительное слово св. Иоанна Златоустого, читаемое в той же пасхальной утрени – какое совершенное во всех отношениях ораторское произведение! Все это, скажут, переводные, а не чисто русские произведения нашего времени. В таком случае возьмите проповеди напр., митр. Филарета, Иннокентия, архиепископа Херсонского и др. Ведь, напр., слово митр. Филарета на деян. преп. Сергия, где он говорит о кельи преподобного и его богослужении при свете лучины, или Иннокентия в Великий пяток о слезах при гробе Господа – это перлы поэтического творчества!... А и они в руководствах словесности упоминаются ли? Вообще, что касается истории пашей русской литературы, то здесь в рассматриваемом нами отношении дело обстоит так, что пересмотр и изменение ее программы не только могут быть желательными, а и должны быть признаны неотложно необходимыми. В доказательство этого нет, конечно, нужды ссылаться на такие, напр., дикие заявления поклонников современной литературы известного пошиба, что вместо чтения в классе отрывков из какой-либо Голубиной книги хорошо, будто бы, знакомить воспитанников с «босьяками» Максима Горького, стихотворениями Бальмонта и т. п.; укажем вот на каком факт. Не так давно проф. А. И. Пономаревым изданы были с обстоятельными введениями и объяснительными примечаниями «Памятники древнерусской церковной письменности», в которых наряду с поучениями св. Иллариона Киевского, Луки Жидяты и др. помещены проложные сказания, и что же? Из четырехсот, гимназий только, кажется, около 25 приобрели эти «Памятники» для своих библиотек. А ведь в этих памятниках духовная жизнь наших предков – те идеалы, которыми жили они, которыми определялся уклада, их жизни, выражены, конечно, в более существенной степени, чем, напр., в подблюдных песнях, на которых гг. учителя словесности зачастую останавливают особенное внимание воспитанников...

Переходим к урокам и занятиям по гражданской истории, которая не напрасно, конечно, именуется учительницей народов. Какие задачи преследуются в существующих у нас общеобразовательных курсах

истории, и еще больше, в классных объяснениях наставников? Какие стороны жизни народов выдвигаются, как выразители духа народного? Какие исторические законы этой жизни выводятся? Какой смысл ее указывается? Словом, в чем состоит философия современной исторической науки? Ведь то несомненная истина, что наука эта не только в ученых трудах ее присяжных служителей, а и в учебной литературе – и в ней даже по преимуществу – должна быть не безыдейным и беспринципным собранием рассказов о былом, а системой достоверных фактов, наглядно и живо изображающих и выражающих состояние, направление и развитие духовной жизни народа и обуславливающих ее причин. Что, если учитель на уроках истории будет следовать теории Бокля в его «Истории Англии», где рост и ход духовной жизни народа выставляются результатом одних лишь физических причин, или будет руководиться фаталистическими воззрениями гр. Л.Толстого, высказанными им, напр., в «Войне и мире», где на почве фаталистического мировоззрения автора, славные герои двенадцатого года в их патриотических подвигах выставлены орудиями слепого случая, а в своих духовных дарованиях и состояниях обезображены и опозорены до неузнаваемости? Нужно ли еще говорить, напр., об историко-критических очерках Милюкова? Обстоятельную характеристику и достойную оценку их читатели найдут в печатающихся у нас статьях о. И. Тарасия... А ведь все это, несомненно, в нравственно-воспитательном отношении должно действовать отрицательно. Совсем другое влияние на учеников должны оказывать уроки того учителя, который держится теистической теории божественного провиденциализма и одушевлен чувством патриотизма. Само собой разумеется, патриотическая тенденция учителя не в том должна выражаться, чтобы возвеличивать все свое и унижать чужое хотя бы лживо, а в том, чтобы не поставлять своею задачей хамское раскрытие наготы отцов, так сказать, не подчеркивать ее; точно так же, как и теистическая точка зрения требует не того, чтобы в указании причин и целей того или много исторического факта, ограничиваться одним лишь: такт угодно Богу, а того, чтобы не придавать исключительного значения ни внешним физическим условиям этого факта, ни духовными силам действующих лиц. И то еще нужно сказать, что в гражданской истории должны иметь место библейские и церковно-исторические события и явления, в тесной внутренней связи стоящие с событиями гражданскими, между тем как часто они прямо-таки опускаются; бывает, что опускается вся история евреев.

В этом именно смысле и отношении в один ряд с историей должны

быть поставлены и классические языки. Мы крепко думаем, что классицизм у нас, в последнее время особенно, потому именно и возбудил против себя общественное мнение, что, как образовательная система, он воспринят был в наших гимназиях с одной лишь его внешне-формальной, так сказать, грамматической стороны, без его идейного содержания и без всякого соотношения этого содержания с Христовой истиной. В истинно классическом образовании, как защищал его у нас покойный М. Н. Катков, изучение древних языков должно быть не внешне-механическим только усвоением их со стороны формы, но и внутренним, состоящим в усвоении содержания произведений и в уяснении по этим первоисточникам самого духа жизни античного мира. Только такое изучение, показав воспитаннику образцовое в интеллектуальном и эстетическом отношении значение античного мира сравнительно с другими историческими народностями, откроет ему и те, по выражению свв. отцов, «отблески божественного света»¹, которые светились в разуме и совести лучших из язычников, поддерживали духовную жизнь в языческом мире и чрез это подготавливали его к усвоению Христовой веры. С другой стороны, знакомство с духовной жизнью античного мира должно привести воспитанника к убеждению, что естественный человек, не просвещенный светом Евангелия, даже на самых высших ступенях своего умственного развития, не в силах сам подняться до той высоты духовно-нравственной жизни, на которой силою веры Христовой стало последующее человечество, хотя и не превысившее античного мира своими естественными силами. Таким именно путем даже мертвый языческий классицизм может и должен оказывать услугу Церкви, т.е. способствуя развитию и укреплению в воспитанниках сознательного убеждения в божественной истинности и спасительности Христовой веры, а вместе с этим содействуя и их духовно-нравственному воспитанию в ее духе.

Конечно, о таких благотворных результатах введения воспитательного в религиозно-нравственном отношении элемента в образовательные курсы средней светской школы может быть речь только при искренно усердном и благоразумном отношении к делу со стороны самих наставников. Если внешне-формальное и неискреннее отношение к делу нигде не может быть плодотворным, то в деле веры всякое лицемерие и двоедушие прямо губительно и вместо положительного благотворного влияния на религиознонравственное состояние детей произведет обратное действие, вместо убеждения в истинах веры и укрепления в добрых навыках разовьет в них недоверие к ним и нерасположение. Не много пользы делу принесет и бестолковое постоянное навязывание ученикам указанных соображений

и заключений, и наставник, глубоко убежденный в проводимом им в детскую среду православно-христианском миропонимании и искренно верующий, сумеет поставить дело так, что воспитанники без нарочитых подчеркиваний со стороны наставника сами поймут известное событие или ход событий в свете веры и в кратком кстати приведенном отрывке или изречении из Библии сами увидят наилучший образец изучаемой словесной формы и т. п.

Высказывая свои *ria desideria* относительно основных нравственновоспитательных в духе веры Христовой тенденций светских учебных предметов средней школы, мы не скрываем от себя того, что преподаваемые на этих уроках детям знания составляют далеко не весь запас их знаний по истории, словесности и естествоведению и что добрую половину этих знаний они приобретают из тех книг и периодических изданий, которые в таком обилии выходят ныне и так во всех отношениях доступны детям. А направление этих книг и журналов так часто идет прямо-таки в разрез с учением пашей веры и Церкви. Мы согласны и с тем, что школа одна не в силах бороться с этим злом, влияющим на детей вне ее стен; но что же отсюда следует? Когда темнеет на дворе, усиливают свет в доме, вот какой практический совет должен быть предложен в ответ на это возражение. В противодействие отмеченной нами духовной уличной тьме школа обязана усилить у себя свет и внешкольной противохристианской и безнравственной литературе противопоставить литературу глубоконравственную и строго-православную. Этому делу должны послужить школьные библиотеки. То, конечно, правда, что в эти библиотеки могут поступать книги, только одобренные или рекомендованные высшим учебным начальством; но верно ведь и то, что далеко не все из одобренного Ученым Комитетом Министерства Просвещения действительно поступает в эти библиотеки, и, что особенно грустно, не поступает именно то, что особенно в данном случае нужно. Мы разумеем книги и журналы духовные, которые вообще очень мало распространены не только в обществе, а и в светских школах. А между тем в этих именно книгах и журналах дается полный и обстоятельный разбор и опровержение тех несогласных с учением православной Церкви воззрений и миропониманий, которые проповедуются ныне, напр., гр. Толстого, Ницше и др., а в противовес грязной и вызывающей беллетристике последнего времени, вроде рассказов Горького и др. в этих книгах и журналах нередко даются повести и рассказы самого положительновоспитательного содержания и характера. Говорю по опыту, что рассказы эти читаются воспитанниками младших классов с

удовольствием, точно так же, как воспитанниками старших классов и студентами с интересом читаются и серьезные статьи против Л. Толстого и др. Но, не говоря уже про современную духовную и богословскую литературу, есть ли в ученических библиотеках средних учебных заведений, напр., Четьи Минеи святителя Димитрия Ростовского, которые, кстати сказать, предлагаются теперь в прекрасном русском переводе, есть ли творения св. Иоанна Златоустого, которые, также сказать, кстати, вновь так общедоступно переиздаются Петербургской духовной академией, есть ли творения св. Тихона, проповеди митр. Филарета, архиепископа. Иннокентия и мн. др.? Ведь все это не только перлы в художественном отношении, а и столпы, способные быть устоями вечной жизни! Какое противоядие представила бы собою такая библиотека тлетворным влияниям улицы! И если бы гг. учителя и начальники средней школы благоволили хоть изредка, напоминать своим питомцам об этом противоядии, какую великую службу Церкви Божией сослужили бы они этим!

Это, несомненно, так; но истина все-таки в том, что вводить в детскую душу этот свет Христовой веры и, так сказать, сроднить ее с этим светом есть прямой долг, прежде всего и больше всего именно учителей веры. Посмотрим поэтому, как обстоит у нас и это дело.

Крайне односторонне, фальшиво и в религиозно-нравственном отношении пагубно то, нередко даже искренно благочестивыми людьми, по какому-то печальному недоразумению, поддерживаемое мнение, будто для большей плодотворности религиозно-нравственного образования в нашей средней светской школе должно заботиться не об увеличении уроков по Закону Божию, а о том, чтобы и имеющиеся уже на лицо выделить из ряда других в тех отношениях, чтобы за уроки по Закону Божию не ставились баллы, за незнание их не было наказаний, не было бы экзаменов, не было ни заучивания этих уроков, ни даже учебников. По мнению этих людей, уроки Закона Божия должны быть назидательными отеческими беседами законоучителя с учениками без всякой строго определенной программы и даже системы; все дело, по мнению их, в возбуждении и оживлении в детях религиозноблагочестивой настроенности, чистой совести и доброго чувства...

В этом мнении верно лишь то, что в деле религиозно-нравственного образования сердце и воля имеют преимущественное значение сравнительно с разумом; так что можно быть опытным богословом, умеющим разобратся в едва различимых тонкостях богословских вопросов и в то же время и нерелигиозным и ненравственным, точно так

же как и наоборот, можно быть очень набожным и высоконравственным человеком и в то же время несведущим в самых бесспорных и очевидных истинах веры. Замечательно метко и наглядно выяснено это преимущественное пред разумом значение сердца в вере в пространном катехизисе в ответе на вопрос: какое различие между верою и знанием... «Знание,— читаем мы там,— принадлежит уму, хотя и может действовать на сердце, вера же принадлежит сердцу, хотя и начинается в мыслях». Но из этих слов, равно как и из предшествующих им примеров ясно и то, что сердце с, его добрыми чувствованиями в деле веры имеет не исключительное значение, а только преимущественное пред разумом. В основе добрых христианских чувствований и желаний лежат строго определенные религиозные верования и убеждения. То же, во что надлежит веровать, дано нам в божественном Откровении – в священном Писании и в священном Предании. Следовательно, вера Христова не только может, а и должна быть предметом знания, а стало быть, и классного изучения наравне с другими предметами знания и учения. Следовательно, об отмене па уроках Закона Божия учебников, заучивания и взысканий и т. п. не должно быть и речи... Наоборот, если справедливо, что степень награды и наказания вообще должны соразмеряться с важностью заслуживающего награды дела и величию преступления, то употребление принятых в школе средств для поощрения преуспевающих и исправления ленивых в деле учения в приложении к занятию Законом Божиим следует даже усилить сравнительно с пользованием ими в настоящее время. Дело в том еще, что как бы ни были возвышенны речи о непристойности якобы внешних репрессивных мер в деле религиозно-нравственного образования, то несомненно, что живущий в членах наших закон греха (Римл. 7, 23) с особенною силою оживает в нас в отношении именно к этим сторонам жизни, а слово Господа, что *царствие Божие нудится*, т.е. с усилием достигается (Мф. 11, 12) неложно и в приложении к детям. И вот какие печальные явления вытекают из этого. Начальники и родители, требуя, чтобы по Закону Божию баллы были выше, чем по другим предметам, обыкновенно указывают и детям и оо. законоучителям на сравнительную важность этого предмета; но наряду с этим и те и другие сами-то постоянно обнаруживают полное невнимание к этому предмету,— одни – родители – тем, что часто или не знают, или даже не признают того, знания чего и уважения к чему требуют от детей, другие – начальники – тем, что при общей оценке ученика (при переходе, напр., из класса в класс) никакого значения не придают баллу по Закону Божию. Дети все это ясно видят, и справедливо заключают отсюда о фальшивости

означенных указаний, и сами начинают неуважительно относиться к этому предмету и так же фальшивить, т.е. прося законоучителя о постановке хорошего балла даже за плохое знание урока. Поставленный между этой Сциллой и Харибдой законоучитель, подобострастный всем человек, склоняется на просьбу ученика, и таким образом выходит круговым обман: комментарии излишни.

Необходимо, по нашему мнению, и увеличение числа уроков по Закону Божию в средних учебных заведениях в той, по крайней мере, степени, о какой оо. законоучители не раз заявляли и в печати, ходатайствовали и пред предержащими властями; но, признаемся, не в увеличении числа уроков усматриваем мы важнейшее средство к улучшению религиозно-нравственного образования, именно как предмета, обучения; ибо думаем, что дело все-таки не в количестве уроков, а в качестве их. Говоря о качестве уроков, мы разумеем не преподавание – но то, как ведется оно, – ведется ли оно сухо, вяло и схоластично или наоборот (хотя признаем, что и это, если это именно разумеют под талантливостью, имеет громадное значение в деле), – а самый, так сказать, предмет преподавания, – то, что преподается.

В состав учебного курса Закона Божия в средних школах входят, обыкновенно, свящ. история Ветхого и Нового Завета, история христианской Церкви, учение о богослужении и катехизис. Последний есть собственно систематизация того вероучительного и нравоучительного содержания, которое дано нам в божественном Откровении; священная же история, история Церкви и учение о богослужении представляют собою краткое и общедоступное изложение этого самого Откровения, в том его виде, как оно дано нам в свящ. Писании и в свящ. Предании. Такова схема взаимоотношения отдельных частей учебного курса Закона Божия в средних школах, и едва ли можно что-либо говорить против целесообразной полноты и законченности такого состава этого курса с принципиальной точки зрения. Но не подлежащий ни малейшему оспариванию в своем целом и общем, указанный состав курса вызывает немало недоумений в частностях, касающихся взаимного распределения частей его по классам, их сравнительного объема и, главное всего, их содержания.

По принятым в большинстве средних учебных заведений программам входящие в состав учебного курса Закона Божия предметы распределяются так: в I кл. – свящ. история Ветхого Завета, во II кл. – свящ. история Нового Завета, в III кл. – учение о богослужении, в IV и V – кл. катехизис, в VI кл. – история Церкви и в VII и VIII кл. – повторительный курс катехизиса с

разного рода дополнительными сведениями. В этом распределении с первого же взгляда бросается в глаза его несистематичность и, так сказать, разбитость. Ибо что бы ни говорили о неподготовленности учеников III класса к усвоению уроков церковной истории, наука эта ни в каком случае не труднее учения о богослужении; особенно в том ее виде, как она проходится в настоящее время, и то обстоятельство, что ученики III класса незнакомы еще с гражданской историей средней и новой, едва ли может служить для них затруднением к усвоению церковноисторических сведений, относящихся к этим периодам гражданской истории. Между тем, изучение церковной истории вслед за священной ее *ipso* поставит их в сознании учеников в самой тесной взаимной связи, а через это и самих учеников сблизит и, так сказать, сроднит с библейскими лицами и событиями. Близость эта будет сознаваться ими еще яснее и живее, если после церковной истории (в III кл.), в IV классе будет проходиться учение о богослужении, которое имея исходным пунктом своим Библию, в своем развитии и подробностях принадлежит к церковно-исторической области, а в законченном своем виде служит наилучшим средством для выражения нашего личного единения с Церковью и пребывания в ней. Разумеется, ученики во время прохождения этих курсов не сумеют сами так отчетливо представить себе эту взаимную связь их и жизненную близость лично к себе самим, но что то и другое останется в них, и впоследствии уяснится само собой, это не может подлежать сомнению.

В приведенном распределении отдельных предметов Закона Божия по классам еще яснее, чем несистематичность, бросается в глаза несоразмерность объема их со степенью их сравнительной важности и значения. В самом деле, разве можно признать логически-состоятельным и целесообразным то, что на свищ. историю Ветхого и Нового Завета, на историю Церкви и учение о богослужении полагается только 8 уроков в течение всего восьмилетнего курса, т.е. столько же, сколько и на один катехизис, который, в сущности есть лишь систематическое обобщение религиозно-нравственного содержания, во всей полноте и целостности данного в тех основоположительных для него курсах? Какими бы апологетико-полемическими рассуждениями мы ни дополняли заключительного курса Закона Божия в старших классах сравнительно с тем, что дано было ученикам в «Пространном катехизисе», проходимом в IV и V классах, во всяком случае, в большей и существеннейшей своей части он есть простое повторение последнего, и какими бы жизненно-существенно-важными соображениями мы ни оправдывали даваемого нами дополнительного содержания этого курса, логическая

несостоятельность указанной несоразмерности частей всего курса не ускользает от здравого смысла самих воспитанников, и преподанное им когда-то в элементарном виде и из вторых, так сказать, рук содержание основоположительных данных катехизиса из священной и церковной истории и учения о богослужении, и теперь ими уже полузабытое и даже затемненное разного рода рационалистическими популяризациями его, не будет иметь для них того священного авторитета непреложной истины идеальной высоты и глубины, какой ему подобает. К каким печальным последствиям в религиозно-нравственном отношении может вести и ведет эта несостоятельная в логическом отношении и ненормальная постановка дела, конечно, в связи с другими обстоятельствами, об этом едва ли нужно распространяться...

В сказанном частью уже намечено то главное и существенное в учебном курсе Закона Божия в средней школе, что в видах подъема и улучшения дела религиозно-нравственного образования должно подлежать неотложному и существенному изменению. Мы говорим о содержании этого курса в тех его частях, которые выше мы назвали основоположительными. В самом деле, разве можно спокойно помириться с существующей постановкой этих частей Закона Божия в наших средних учебных заведениях, – с тем, что именно преподается нашему светскому юношеству по принятым в них учебным пособиям и руководствам по священной и церковной историям и учению о богослужении? Что между существующими в настоящее время учебниками по этим предметам нет, бесспорно, удовлетворительного даже применительно к утвержденным программам этих наук, об этом свидетельствует уже самое обилие этих учебников, которое с каждым годом возрастает. Издавая свой собственный учебник, каждый автор уже тем самым заявляет о тех недостатках и несовершенствах предшествовавших учебников, которые он имеет целью исправить. К сожалению, случается, что вместо исправления дела получается только его ухудшение. Но не место личным счетам там, где грозит общая беда; такой бедой мы считаем то, что по утвержденным программам рассматриваемые нами части учебного курса Закона Божия должны проходиться именно по учебникам, которые, представляя собой приспособительное к детскому пониманию изложение заключающегося в первоисточниках христианской веры содержания, не только заменяют собой эти последние, а и делают их как бы совершенно ненужными и излишними и чрез это отвлекают от них внимание воспитанников и, даже больше, возбуждают последних против них... Жестоко, может быть, слово сие, но оно, несомненно, горькая правда.

«Нельзя скрывать от себя», говорит А. И. Георгиевский⁴, «что наше образованное общество, наша так называемая интеллигенция более или менее заражена религиозным индифферентизмом, нередко и отрицательным отношением к религиозным верованиям, постановлениям, обрядам и богослужению Церкви и даже разными новомодными лжеучениями, отрицающими самую сущность христианства. Чтобы спасти от этого наше учащееся юношество, для этого представляется одно лишь средство, а именно: поставить его религиозное образование на твердую научную почву, привлечь его к чтению слова Божия в подлиннике, приохотить к ясному уразумению церковных молитв, песнопений и вообще богослужения чрез сличение церковно-славянских текстов с греческими подлинниками, заохотить также чтением в подлиннике избранных творений св. отцов. При хорошем ведении дела надлежало бы и охоту и навык к постоянному изучению слова Божия и интерес ко всему, что относится к православной Церкви, к ее учению, ее богослужению и ее обрядам, к ее великим деятелям и подвижникам, ко всему ее прошедшему и настоящему, а вместе с тем была бы приобретена и способность к более глубокому ее изучению во всех отношениях и к полнейшему усвоению духа православной Церкви. Побороть дух неверия, отличающий наше время, невозможно иначе, как поставив с самого начала все религиозное образование нашего учащегося юношества на твердую научную почву; единственным же к тому орудием представляется греческий язык». Представив несколько исторических сведений о греческом языке в наших светских школах, автор продолжает: «Начинаясь с I класса, изучение греческого языка, как нельзя более, пригодилось бы при прохождении Закона Божия в продолжение всего гимназического курса. Так, во II классе многие места из Евангелий могли бы быть прочитываемы, а некоторые и заучиваемы по-гречески. В III классе, при учении о богослужении, греческий язык, как нельзя более, пригодился бы для более правильного и точного уразумения церковных молитв и песнопений; В IV и V классах, а также в VII и VIII, при прохождении православного катехизиса с дополнениями из догматического и нравственного богословия, греческим языком точно так же можно было бы воспользоваться для лучшего разъяснения основных библейских текстов; в VI классе, при прохождении истории Церкви, ученики могли бы быть ознакомлены в подлиннике с некоторыми из великих творений отцов Церкви, по крайней мере, в извлечениях и с некоторыми из наиболее характеризующих их назидательных изречений».

Не ко всем средним школам приложимы эти высокопросвещенные *res desiderata* маститого председателя Ученого Комитета Министерства Народного Просвещения, а. лишь к нашим классическим гимназиям; и в отношении к этим последним, может быть, для некоторых они покажутся превышающими степень детского развития вообще; но все это нисколько не умаляет выраженной в приведенных словах принципиальной истины о существенном пробеле в настоящем учебном курсе Закона Божия в нашей средней школе и способе его исправления. Что наше образованное светское общество от того и увлекается, может быть, новомодными лжеучениями и не усердствует к богослужению, что не знает – совсем незнакомо ни с Божиим словом, ни с святоотеческой письменностью, ни с содержанием нашего богослужения, а незнакомо со всем этим потому, что не ознакомлено ни с тем, ни с другим, ни с третьим в школе, – это такой общеизвестный факт, о котором едва ли может быть какой-либо спор и едва ли нужно приводить доказывающие и иллюстрирующие это положение примеры. Их и в печати и в законоучительской практике так много, и они подчас так поразительно невероятны, что, право, горько вспоминать их... Но кто виноват в этом? Одно несомненно, что не сами дети, по крайней мере, в возрасте, младших классов, когда они при благоприятных условиях не только любят читать и в классе и в церкви, а показывают какую-то особенную способность легко и скоро выучиваться читать церковно-славянские книги правильно и твердо и надолго запоминать выученное. По опыту говорю, что никакого затруднения для учеников II, напр., класса нет заучивать при изучении св. истории Нового Завета все важнейшие места из нагорной беседы Господа по Евангелию, тропари и другие церковно-богослужебные песнопения, относящиеся к евангельским событиям, точно так же, как и в I классе выучить несколько псалмов, десятка два притчей и других изречений напр., из книг Сираха, Товита и др. К сожалению, далеко не всем и не везде обстоятельства благоприятствуют такому доброму началу дела, а в дальнейших классах, когда уже ослабевает эта детская восприимчивость ко всему церковному, препятствия увеличиваются, и дело становится почти непоправимым.

В самом деле, взглядемся в дело несколько ближе. За священной историей проходится учение о богослужении; но знакомит ли это учение с богослужением? Не только там, где при учебном заведении нет храма, а и там, где таковой имеется, дело это не всегда ведется практически: учеников не водят во время таких уроков в храм для наглядного ознакомления их с устройством храма и его принадлежностей – утварью и богослужебными книгами, последние даже не приносятся в класс, так что

воспитанники знают об этих книгах только по учебникам – по данным в них кратким и отвлеченным определениям этих книг. И вот результатом этого является то, что наши светские образованные люди об этих книгах не имеют никакого даже представления, и не дивно, что они не только смешивают минеи месячные с четьями минеями, а и в такой книге, как Псалтирь, которая и уставом церковным указывается для постоянного более всех других священных книг пользования и для предков наших была учебной и настольной книгой, не умеют отличить псалмов от церковных молитв между кафизмами и т. п. Даже изданные Святейшим Синодом учебные Псалтирь, Часослов, Октоих и другие не употребляются в наших средних школах в качестве учебных пособий, и все практическое знакомство с помещенными в них чинопоследованиями ограничивается теми случайными извлечениями из них, которые даются в некоторых учебниках. В самых обильных такими извлечениями я, например, не встречал ни стихир на «Господи, воззвах», ни тропарей канона, а то, что помещено из богослужебных книг, нередко напечатано гражданскими буквами. Присоедините к этому изучение в IV классе древнеславянского языка с его юсами, и вы поймете это не только неумение читать по церковно-славянски, а и нерасположение к церковно-славянским книгам, которое в старших классах является уже обычным явлением. Между тем как легко бы избежать всего этого, если бы ознакомление с богослужением православной Церкви велось практически в указанном выше смысле и учебные Часослов и Октоих служили бы учебными руководствами наравне с так называемыми «учениями о богослужении». Книжки этого последнего рода должны лишь помогать в объяснении смысла и значения церковных обрядов и песнопений, а первые – непосредственно знакомить с самым содержанием богослужения, что должно быть на первом плане в этом деле. Для этой же цели активное участие воспитанников в богослужении через пение, чтение и прислуживание в алтаре должно быть признано обязательным не только для пансионеров, а и для приходящих.

Точно тоже должно сказать и вообще о святоотеческой письменности, которой наше светское образованное общество не знает, потому что не ознакомлено с ней в школе. Но при настоящем порядке вещей для этого ознакомления нет благоприятствующих условий. В самом деле, церковная история проходит в VI классе при двух уроках в неделю, при которых едва возможно прочесть в классе лишь несколько самых кратких отрывков из святоотеческих творений, а таким путем можно ли не только познакомить воспитанников с святоотеческой письменностью вообще, а и заставить их полюбить ее? Едва ли; не говорим уже о том, что в школе

часто и не по чему познакомить-то. Другое дело, если бы церковная история проходила в III классе, а VI или, лучше, VII класс можно было бы посвятить на патристику. Тогда в III классе, когда у воспитанников не охладела еще любовь к Церкви и не произошло еще отвычки от церковно-славянского чтения, очень удобно было бы каждого воспитанника заставить прочитать по четьям-минеем св. Димитрия Ростовского житие его ангела или какое-либо другое, конечно, по-славянски⁵), если к этому присоединить еще хотя бы одно житие, прочитанное в классе под руководством наставника, то можно было бы быть уверенным, что в детской душе заронилась бы искра того доброго расположения к четьи минейному чтению, которое так отличает наш простой народ. А в VII классе при двухнедельных уроках патристики довольно было бы времени для полного знакомства с святоотеческой письменностью, чем какое возможно теперь; отчего бы для этой же цели не завести обычая частного прочтения каждым воспитанником в течение этого года творения одного какого-либо св. отца в более или менее полном виде?...

По-видимому, в лучшем положении обстоит дело по отношению к Библии. С содержанием Библии наши дети знакомятся с первых же классов по так называемым священным историям Ветхого и Нового Завета : в катехизисе и особенно в дополненном его виде сообщаются им краткие исагогические сведения о библейских книгах, и дается масса текстов из этих книг; кроме того, в последнее время в гимназический курс Закона Божия введено классное чтение избранных мест из Библии. Но достигается ли всем этим то, что именно должно быть признано желательным? Горький опыт говорит, что далеко нет. И это отчасти понятно. В самом деле, изучение священной истории так ли знакомит детей с Библией, как следовало? Прежде всего, если в некоторых учебниках (далеко не всех) под названиями отдельных рассказов и подставляются цитаты, указывающие те священные книги, из которых взяты эти рассказы, то они, даже при наглядной проверке их по самой Библии в классе, остаются для детей 1-го класса немыми, ничего не говорящими цифрами и потому особенно, что названия эти печатаются в таком сокращенном виде, что незнакомые еще с ними в их полном виде, обыкновенно, не умеют и прочитать их. Далее и то, к глубокому сожалению, нужно сказать, что наши учебники по священной истории Ветхого Завета берут свое содержание только почти из исторических отделов ветхозаветной Библии, нередко даже не поименовывая других: например не во всех историях называются даже книги, написанные Соломоном; о многих пророках, кроме Ионы совсем не упоминается, точно так же, как и о книгах

Премудрости Соломона и Сираха и других неканонических книгах. Эти последние опускаются даже и в пространным катехизисе; да и остальные-то приведенные в нем наименования священных книг много ли говорят детям об их содержании?—Что касается библейских текстов, в обилии приводимых в катехизисе, нужно сказать, что вследствие неразвитого в детях, ко времени заучивания этих текстов вкуса к славянскому чтению, вследствие чрезмерной отрывочности этих текстов, вошедшее в употребление заучивание их без обязательного раскрытия помещаемых при них цитат не только не знакомит детей с Библией, а и возбуждает в них недоброе расположение к ней. Остается одно лишь классное чтение избранных мест из Библии, введенное в гимназиях в последнее время; но и оно так ли поставлено, чтобы от него можно было ожидать добрых плодов? Уже то одно, что оно не имеет для себя точно определенного места в учебном курсе и является чем-то вроде сверхдолжных римско-католических дел, без которых можно все-таки обойтись, не может возбуждать особенного усердия к нему; главное же, что делает почти бесплодным и это доброе мероприятие высшей власти, заключается в отсутствии при этом чтении точных исагогических сведений. Как бы ни были прекрасны классные объяснения наставника, они если и запоминаются, то скоро же и забываются. От всего этого и выходит то, что наши светские образованные люди и даже юноши так легковерно внимают услужливым речам неверующих об искажении первоначального библейского текста церковниками, о вставках, переделках, перестановках и т. п. и, загипнотизированные мнимой научностью этих речей, так легко поддаются их антихристианским и антирелигиозным учениям. Для того, чтобы ознакомление воспитанников средней светской школы с Библией было более живым, полным и обстоятельным, нужно, по нашему мнению: 1) священную историю Ветхого Завета, необходимую в первом классе, изменить в ее содержании и способе изложения соответственно выше указанным замечаниям. Пусть лучше опущены будут некоторые исторические подробности о внешней жизни царей и других лиц, лишь бы внесены были понятные для детей указания на отношения помещаемых рассказов к библейским книгам и даны были извлечения из книг учительных и пророческих. 2) Священная история Нового Завета должна быть проходима неотменно с Евангелием в руках, чтобы ученики могли постоянно сличать рассказы о тех или иных событиях по разным Евангелиям и важнейшие из бесед Господа заучивать по евангельскому тексту. 3) Чрезмерно краткие и неясные исагогические сведения о Библии, данные в катехизисе, должны быть распространены и систематизированы

более или менее обстоятельно, как о всей Библии вообще в ее целом, так и в отдельных ее книгах. Нужно помнить, что в этом пункте христианского вероучения коренится одно из существенных отличий нашего православия от протестантизма и всякого рационализма; недаром в духовных школах по этому предмету имеется даже особая кафедра.

4) Классное чтение избранных мест Библии должно быть строго упорядочено и, разумеется, расширено, и это всего удобнее сделать через назначение для этого не только определенных часов, а и классов. Если оставив в I и II классах священную историю, в III классе ввести упрощенный курс церковной истории, в IV классе с увеличением числа уроков – учение о богослужении, то V и VI классы можно употребить на систематическое изучение Библии, которое должно состоять в ознакомлении с ее содержанием по самому библейскому тексту с предварительными педагогическими сведениями, VI – на патристику и VIII – заключительный на систематическое повторение всех пройденных отделов в форме катехизиса или богословия.

Таковы, по нашему мнению, меры, которые должны поднять уровень религиозно-нравственного образования, понимаемого пока в смысле обучения в средних светских учебных заведениях, сделав его из поверхностного и безжизненного прочным и устойчивым. Этими мерами достигнуто будет прежде всего то, что между знаниями, сообщаемыми воспитанникам на уроках Закона Божия и на остальных уроках не будет того взаимного противоречия, которое, к сожалению, встречается иногда теперь и тем умаляет авторитетно-руководственное значение Закона Божия в глазах самих воспитанников. Как скоро сообщаемые воспитанникам сведения, естественнонаучные, словесные и исторические, согласованы будут в своих основоположениях с учением христианской веры и даже сближены, так сказать, с ним в известном отношении в самом содержании, само собой должно будет подняться в глазах воспитанников значение Закона Божия в смысле руководственного начала жизни, а вместе с тем им дана будет ясная, строго определенная и, несомненно, истинная точка опоры для ориентирования в той массе сведений по всем отраслям знаний, с которой придется им встретиться после в самостоятельной жизни и которая нередко так сбивает наше образованное общество с правого пути и увлекает далеко от православно-русских устоев жизни, даже «по ту сторону добра». Самое знание веры Христовой будет не чем-то усвоенным лишь из вторых рук и, так сказать, понаслышке, каким оно является теперь, делая образованных людей в религиозном отношении невежественнее простолюдинов, а твердым и обстоятельным,

самостоятельно усвоенным в некотором отношении по первоисточникам. Словом, положенное в основу всего классного преподавания христианское мировоззрение разовьет, расширит и прояснит умственный кругозор нашей образовывающейся молодежи. А это уже немалое приобретение в деле образования, ибо христианское миропонимание, укрепляя веру в детской душе, по самому существу ее скорее и сильнее, чем всякое иное знание, воздействует на сердце, очищая и облагораживая его, и на самую волю, возбуждая в ней добрые навыки и желания.

II глава

Но все сказанное доселе лишь половина дела, и притом меньшая. Что бы мы ни говорили о величии Христовой истины, как открытой нам Самим Богом, и она одна не в силах возродить духовно человека. Чтобы это положение не показалось парадоксальным, припомним, что когда возвещал эту истину Сам источник и носитель этой истины – Христос Бог наш, имела ли успех Его проповедь? Три с половиной года неустанно со всею божественной мудростью учил Он этой истине народ и особенно избранных Своих учеников, и что же? Много ли было уверовавших в Него и последовавших за Ним? Не станем указывать на книжников и фарисеев, которые видя не видели и слыша не разумели; ибо одебелело сердце людей сих; припомним самих апостолов, которые с усердием внимали Ему, любили Его всем сердцем, ради Него оставили дома и семьи свои; усвоили ли они учение Христово в его полноте и истине? Целый ряд недоуменных вопросов, с которыми они обращались к Господу не только накануне Его страданий, а уже и по воскресении Его и даже в самый день вознесения, после многодневного поучения их одних тайнам царствия Божия, показывает, как неясно и даже превратно понимали они это учение (Мф. 16, 22; Иоан. 14, 5, 8; 16, 18; Деян. 1, 6 и др.). А об их нравственном бессилии следовать за Господом до готовности положить за Него душу свою лучше всего свидетельствуют те же дни страданий и смерти Господа, когда, один из апостолов даже с клятвой отрекся от Него и все разбежались, а по воскресении Его скрылись в одном доме, дверем заключенным страха ради иудейска. Если таким образом идеально-божественное учительство Самого Господа Иисуса без нарочитой божественной силы Св. Духа в душе человека, именуемой благодатью, не могло не только волю Его учеников и апостолов укрепить в добре, а и разум просветить, то возможно ли требовать чего-либо большого от нашего человечески несовершенного учительского делания, и как жестоко и несправедливо поэтому то огульное обвинение в неумении учительствовать, в отсутствии «талантливости», которое нередко раздается в либеральной клике, по адресу нашего духовенства?! Но возвратимся к делу.

Итак, на лицо тот факт, что без нарочитой божественной силы в самом человеке никакое учительство не в силах духовно перевоспитать его. И это вполне попятно.

Сила первородного и личных грехов наших в том и состоит, что, делая

нас повинными пред Богом, они обессиливают нашу душу и делают нас неспособными к духовной жизни, как ясно до наглядности и живо изобразил это именно действие греха в нас св. ап. Павел в седьмой главе послания к Римлянам. Сказав, что закон Божий свят и духовен и выразив свою любовь к нему, св. апостол продолжает: *Доброго, которого хочу, не делаю (19 ст.). По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти (22–24 ст.).* И отличие новозаветного учения от ветхозаветного состоит не в том только, что там дан закон, а здесь – сама истина, а и в том, что ветхозаветное откровение, научив даже людей избирать лучшее в нравственном отношении (*Рим. 2, 18*) и даже возбуждая любовь к этому лучшему, не дает человеку сил исполнять это лучшее; в этом-то бессилии и состояло то немощное закона, которое пришел восполнить Христос. Изобразив бессилие закона в деле нравственного возрождения человека, св. апостол говорит: *итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу; потому что закон, духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти. Как закон ослабленный плотью был бессилен, то Бог, послал Сына Своего в подобии плоти греховной, в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу (Римл. 8, 1–4).* По прямому смыслу этих слов св. апостола, Единородный Сын Божий воплотился, страдал и умер за нас, чтобы искупить нас от этого тяготеющего на нас греха и его ужасной смертоносной силы. Своими страданиями, смертью и воскресением совершив нам спасение в этом смысле, Господь Иисус вознесся на небо и послал нам от Бога Отца Духа Святого для нашего освящения – для усвоения нами совершенного Христом спасения, для вселения в нас Христа Духом Святым.

И вот, облеченные этою силою свыше, те же апостолы, которые в течение целых лет не могли усвоить себе Христова учения и не в силах были преодолеть своего малодушия даже пред мнимыми опасностями, в одно мгновение, так сказать, преобразились так, что не только припомнили все, что говорил им Господь, а смогли передать Его учение людям в такой чистоте и высоте, что прошли, а может – быть, пройдут и еще тысячелетия, а оставленная ими книга завета будет неиссякаемым источником истины для всех людей до скончания века. Что же касается нравственного возрождения апостолов, т.е. укрепления их воли в добре, то наилучшим свидетельством этого укрепления служит самое их

апостольство, с которым они обошли весь мир, претерпели всевозможные гонения и безбоязненно шли на самую смерть за Господа своего. Эту-то полученную ими божественную силу Святого Духа и передали св. апостолы тому обществу верующих в Господа Иисуса Христа, которое, будучи при Господе меньше всех семян, выросло потом больше всех злаков и стало многоветвистым обнимающим собою весь мир деревом, так что птицы небесные прилетают и укрываются в ветвях его (Мф. 13,22). Это и есть созданная Христом св. Церковь Его. Она, – эта единая, святая, соборная и апостольская Церковь Христова, как *столп и утверждение истины* (Тим. 3, 15), и есть не только верная хранительница и неложная учительница просвещающего нас Христова учения, а и сокровищница возрождающей нас благодати Св. Духа, так что, как говорит св. Киприан, тот, кто не имеет матерью Церкви, не может иметь и Бога Отцом («О единстве Церкви», в «Хр. Чт.» 1837 г. 1, 27–40).

Согласно с учением св. ап. Павла (1Кор. 12, 12–15), мы смотрим на Церковь, как на живое тело Христово, в котором каждый член постольку жив, поскольку пребывает в общении веры и любви с другими членами Церкви и со Христом, как главою Церкви, как лозою, которой мы ветви (Иоан. 15, 1–6). Но как ветви живут не потому только, что внешне-механически соединены с лозою, а потому, что сраслены с нею – химически сроднены с нею, питаются ее соками, которые текут от нее по волокнам ветвей же, так точно и в живом теле Христовом – св. Церкви Его мы члены ее можем усвоить себе Христово спасение – проводить в собственную жизнь учение Его только тогда, когда, пребывая в неразрывном внешнем общении с членами Церкви, будем усвоят себе божественную благодать Святого Духа, ниспосланную Иисусом Христом от Бога Отца, которая, как живая и животворящая сила, должна проникать во всех нас и во все изгибы нашей жизни. Св. таинства и все вообще обряды и уставы церковные, совершаемые пастырями Церкви – вот проводники этой благодати; непрерывное, через архиерейское рукоположение совершаемое преемство их пастырства – вот основа их пастырского служения; неизменная верность преданию, хранимому в соборных вероопределениях и канонах и в согласных с ними до внутреннего единства святоотеческих творениях и богослужбных песнопениях и установлениях церковных – вот существенный признак истинности их пастырства; живая вера и любовь, и пастырей, и пасомых – вот необходимое условие животворной действенности этой божественной силы для усвоения спасения, совершенного для нас Иисусом Христом и Его св. учением, жизнью, смертью и воскресением. Едва ли возможно

путем строго-логического анализа отдельно ясно представить себе действие этой силы в различных ее проявлениях и отношениях, но если где, то именно здесь уместно припомнить святоотеческую аналогию, употребленную в символе веры для объяснения ипостасных отношений Бога Сына к Богу Отцу. Если мы сравним Христа и Его спасительное дело со светом, то действие Духа Святого всего приличнее уподобить теплоте.. Как в видимой природе свет солнца является первоисточником ее жизни, но лишь в его неразрывном единении с теплотой, так что как бы ни был ярок свет солнца зимою и каким бы чистым светом ни одевал он покров земли, все же жизнь ее только тогда проявляется во всей ее силе и красе, когда потянет весеннее тепло. Точно так и в духовной природе самый чистый свет учения Христова, куда бы ни проникал он, и в каком бы чистом виде ни являл людям все видимое и невидимое, без благодати Духа Святого, пребывающей в Церкви, он бессилен духовно возродить не только видимое – мир весь и тело человека, а, и душу его – просветить его разум, очистить сердце и укрепить волю.

Вот почему в истинно-христианской школе весь учебно-воспитательный строй ее жизни должно не только согласовать с учением христианской Церкви, а и ставить его под покров и руководство св. Церкви, подчиняясь ее уставам, как материнским заветам, и ограждаясь благодатными священнодействиями Церкви, как нерушимой стеной. Прекрасно выражена эта идея об единении школы с Церковью в известном изречении: воспитывайте детей не вне Церкви и не рядом с нею, а в самой Церкви и вместе с нею. Невольно припоминаются при этом те великие вселенские учителя Церкви, на которых мы ссылались выше, как на поучительные образцы в деле изучения именно видимой природы в духе Христовой веры, и которые «соединяли в себе в удивительном согласии человеческую мудрость эллинскую с вечною мудростью божественной благодати», святители Василий Великий, Григорий Богослов, Тихон Задонский и др. Кому не известен трогательный рассказ св. Василия Великого о своей дружбе со св. Григорием – о том, когда они в дни юности своей знали лишь две дороги – одну, которая вела в школы грамматиков и риторов, а другую, которая вела в храм Божий, где они освящали себя благодатною силою Божией для уяснения себе и животворного усвоения получаемых ими в школе истин! Когда, по окончании школьного образования, они пожелали глубже и животворнее усвоить себе священное Писание, они и совсем удалились из дышавшего языческой атмосферой общества – в пустыни к египетским отшельникам, чтобы постом и молитвою по уставам церковным освящать и укреплять свою душу⁶.

Вполне верны были этому святоотеческому завету и православные предки наши в допетровский период своей истории. Церковность древнерусского воспитания – факт общеизвестный и неоспоримый. Он сказался не только в том, что учителями народными– проводниками в народ истинного просвещения было духовенство, Псалтирь, Часослов и другие священные и церковнобогослужебные книги были учебными книгами, а и в том, что тогда не только храмы были при школах, а и самые школы были при храмах, как их преддверие. Оттого-то и выходило, что весь уклад народной не только семейной, а и государственно-общественной жизни запечатлен был характером церковности. На все смотрел древнерусский человек очами Церкви и ее учением все проверял, с ее уставами и заветами соразмерял все, даже самое время. Не оттого ли и вышел он неуязвимым из всех самых тяжелых испытаний и таким несокрушимым могущественным исполином? Ничем незаменяемую и несокрушимую силу и мощь этого всеобъемлющего и возрождающего воздействия православной Церкви на государственно-общественную жизнь этого народа прекрасно раскрыл один из великих русских людей, К. П. Победоносцев в известном своем открытом письме президенту Швейцарского комитета евангелического союза Э. Навиллю, в ответ на адрес этого комитета в Бозе почившему Государю Императору Александру Александровичу относительно религиозной свободы в Прибалтийском крае. Церковно-приходские школы народные, восстановленные в своем древнерусском характере и значении – вот живое и наглядное выражение истиннорусского понимания значения православной Церкви в школе и ее святом деле,

Конечно, в ответ на вопрос о том, приложим ли этот церковный строй учебно-воспитательного дела церковно-приходских школ к средним и высшим светским учебным заведениям, можно было бы сослаться на наши средние и высшие духовноучебные заведения – на наши семинарии и академии не только доброго старого времени, а и последнего; в этих школах, лет двадцать-тридцать тому назад также начавших было наклоняться в сторону от церковности, теперь снова она водворяется и заметно приводит к благим результатам; но в виду профессионального, так сказать, назначения этих школ пример может показаться неубедительным, а людям так называемого либерального направления, пожалуй, даже и ненавистным. Поэтому, в оправдание мысли о возможности оцерковления нашей светской школы, сошлемся па пример Англии. «Английская школа,– говорит в одной из многочисленных своих статей в «Моск. Ведомостях» Вл. А. Грингмут (№ 51 и 09 за 1891 г.),– должна стать во всех

отношениях образцом для нашей школы, особенно потому, что она давно уже осуществила то тесное отношение школы с Церковью, которое для нас православных еще более необходимо, нежели для английских протестантов». Вслед за этими словами г. Грингмут делает ссылку на английские сочинения Edward Thring (Education and School. London 1884 и The Chassics), в которых трактуется о том, как в английских школах практически ведется это религиозно-нравственное воспитание в духе церковности. На основании этих-то именно сочинений, равно как и других однородных с ними по своему содержанию⁷, можно положительно утверждать, что религиозно-нравственное воспитание в английских школах, не только средних, а и высших, ведется под непосредственным и постоянным воздействием Церкви, которая является главным руководительным началом во всем строе учебно-воспитательной жизни школы. Церковность эта выражается в том, что 1) при каждой школе есть особая капелла, в которой совершаются ежедневные молитвенные богослужения; 2) богослужения эти состоят из чтения псалмов и общего пения духовных гимнов; 3) в праздники богослужение совершается с большей торжественностью и троекратно; 4) за всеми этими богослужениями наравне с учениками обязаны присутствовать и учителя, и 5) директор школы – большей частью богослов, имеющий право церковной проповеди. И вообще все то, что заповедуется Церковью относительно самого внешнего поведения христианина, со всей неопустительной точностью, как священная обязанность, исполняется в жизни школы всеми принадлежащими к ней, и это служит, таким образом, как бы живой и наглядной иллюстрацией тех христианских истин, которые преподаются на классных уроках. То обстоятельство, что этот церковный строй жизни наравне с учениками признают священно-обязательным для себя и все наставники и начальники заведения, делает его не только наглядной и живой иллюстрацией классных уроков Закона Божия и вообще, так сказать, теоретической стороны религиозно-нравственного воспитания, а и авторитетно-убедительным средством к проведению тех истин и начал в самую жизнь учащихся, к закреплению их в этой жизни и сроднению воспитанников с этим строем жизни и в мужестве и в старости до самой смерти...

Есть ли что-либо подобное в наших, не только высших, а и средних светских учебных заведениях? Стоит ли в них религиозно-нравственное воспитание под непосредственным ведением и руководством Церкви? Вот вопросы, в ответе на которые и лежит, по нашему мнению, центр тяжести пожеланий и требований, высказанных Государем

Императором в Его Высочайшем рескрипте г. министру народного просвещения.

Верно, что в общем и с формально-юридической стороны религиозно-нравственное образование (скорее, впрочем, в значении лишь обучения, чем воспитания в собственном смысле) в наших средних и высших светских учебных заведениях находится под ведением Церкви. Высшее духовное начальство имеет полный контроль над этим образованием: оно утверждает программы по Закону Божию и разрешает к употреблению учебные руководства и пособия; в согласии с ним определяется число уроков по Закону Божию и назначаются законоучители, которыми обязательно могут быть только духовные лица; епархиальные архиереи наблюдают за самым ходом религиозно-нравственного образования в учебных заведениях их епархии через посещение их для испытаний по Закону Божию. Но что все это, как не «внешнее *decorum*, которое лишь закрывает зияющую рану», как метко выразился досточтимый о. председатель учебного комитета при Свят. Синоде прот. П. А. Смирнов? Не станем говорить о программах и учебниках по Закону Божию, которые, правда, всецело относятся к области ведения духовной власти, но в рассматриваемом нами отношении не имеют существенного значения; остановимся на следующих из означенных нами проявлений зависимости религиозно-нравственного образования в наших светских учебных заведениях от духовной власти в отношении ее к светским начальникам. Разве для кого тайна, что отношение это фиктивное – по отношению именно к духовной власти? Сколько было, например, даже в прошедшем году после нарочитого слова Государя об усилении религиозно-нравственного воспитания, не только толков в духовной печати, а и прямых ходатайств об увеличении числа уроков по Закону Божию, хотя бы на один час во всем курсе, и... все напрасно! А мало ли бывало случаев, когда светское начальство отказывалось принять указываемого епархиальным архиереем не только законоучителя, а и просто псаломщика или диакона для храма учебного заведения? Не станем отрицать нравственного значения для воспитанников за архиерейскими экзаменами по Закону Божию; но ведь это капля в море, ибо епископы бывают на экзаменах далеко не всегда и то только в выпускных классах учебного заведения и касаются одного лишь, так сказать, классного преподавания Закона Божия, и то опять лишь в пределах пройденного курса.

Если религиозно-нравственное образование юношества не должно ограничиваться одним лишь классным преподаванием Закона Божия, если и преподавание других предметов должно быть в согласии с христианским

миропониманием и если, наконец, епископ есть именно епископ не для законоучителя только, а и для всех других учителей – разумеется, православных, призванных к тому же участвовать в религиозно-нравственном воспитании вверенного им юношества; то почему он – епископ не может проверять и их преподавание и вообще педагогическую деятельность школы с религиозно-нравственной стороны, наблюдать за самым строем школьной жизни в отношении, напр., к богослужению, молитве и даже светским удовольствиям, допускаемым в школе, и т. п.? Смело говорим, что если бы наши святители находили возможным являться не на экзамены только в выпускных классах заведения, а и на уроки, и не по Закону только Божию, а и по другим предметам и даже в неурочное время в те учебные заведения, разумеется, где есть пансионы, и проверять вообще постановку религиозно-нравственного состояния школы, то дело это сразу и существенно изменилось бы к лучшему. Тогда не только поднялось бы положение Закона Божия, как предмета классного преподавания и по существу дела и в мнении учащихся и учащихся, а и вообще религиозно-нравственное воспитание, поскольку оно выходит за стены классов; тогда гг. начальники и наставники не стали бы смотреть на епархиальных архиереев, как на посторонних для них лиц, которые не имеют к ним никакого отношения и которые суть духовные власти лишь одних оо. законоучителей. А теперь бывает и это и очень часто. И это вполне понятно. Не странно ли в самом деле: в то время когда светское начальство является имеющим право выбора законоучителя для учебного заведения и контроля над его деятельностью (чуть ли не до цензуры проповедей включительно), духовное начальство – в данном случае епархиальный архиерей не имеет никакого голоса в вопросе об избрании начальников и воспитателей светских учебных заведений подведомой ему епархии со стороны их религиозно-нравственной благонадежности, так существенно важной для такого святого дела, как воспитание! Непонятная непоследовательность! Оттого и выходит у нас, что директором православно-русского учебного заведения, имеющим главный надзор за религиозно-нравственным состоянием воспитанников, назначаются иногда католики или протестанты, а так называемые воспитатели – эти почти безгласные, хотя и ближайшие руководители юношества в поведении, преимущественно даже избираются из лиц инославного исповедания. И этим именно лицам, которые не только не знают, а и не признают ни икон, ни богослужения православного, поручается наблюдение за исполнением воспитанниками и их религиозных обязанностей и даже в храме. Конечно, и здесь бывают счастливые

исключения; но бывает и так, что в то время когда дети за богослужением преклоняют колени и кладут поклоны, надзирающий за ними воспитатель стоит безучастным зрителем...

Уже из сказанного с основательностью можно заключать, что положение законоучителя в наших светских учебных заведениях не особенно высоко, и дело религиозно-нравственного воспитания юношества в этих школах стоит не под непосредственным руководством Церкви и ее служителей, нередко даже и не рядом с нею – не в согласии, а в прямом разладе с нею. В большинстве случаев законоучитель является лишь классным преподавателем Закона Божия и не всегда даже принимает участие в педагогических совещаниях училищного начальства с правом голоса; особенно это бывает в тех случаях, когда законоучителем состоит приходский священник, следовательно, и живущий даже вдали от учебного заведения. В таких случаях, – да и в таких ли только? – гг. директора и инспектора, держа исключительно в своих руках воспитательную власть и действуя в этом деле чрез подчиненных исключительно им надзирателей и воспитателей нередко неправославных, не считают нужным даже соглашаться с мнением законоучителя по тому или иному практическому вопросу религиозно-нравственного характера и значения, буде таковое мнение будет заявлено ревнующим о своем деле законоучителем. Это касается преимущественно так в последнее время распространенных разного рода литературно-музыкальных вечеров не только под воскресные, а и под другие большие праздники и даже постом. Бывает, что от законоучителя подобного рода решения скрываются намеренно и ради них даже требуют отменения или сокращения службы церковной.

Горькая все это правда, но вполне попятная! Устроенные во всем строе своей учебно-воспитательной жизни по западным, немецко-протестантским образцам в эпоху крайнего развития в Германии неверующего рационализма, наши светские – и средние и высшие – учебные заведения оттуда же взяли строй и религиозно-нравственного воспитания.

По учению протестантов, Иисус Христос есть наш Спаситель в том смысле, что Он принес наивысшее религиозно-нравственное учение, истинность которого запечатлел. Своею смертью; отсюда и спасающая человека вера его есть лишь уверенность в этом учении, как системе религиозно-нравственного мировоззрения. Если для этого спасения, как не юридического только оправдания, а и действительного духовного возрождения человека, и нужна божественная помощь, то она, конечно,

будет подана Богом, как и обещана Им; но эта духовно-возрождающая человека божественная сила подается по вере нуждающегося в ней независимо от каких бы то ни было обрядов и священнодействий, совершаемых служителями Церкви. Эти обряды и священнодействия если и имеют какое-либо значение в деле религиозно-нравственного воспитания человека, то разве такое лишь, как и всякие другие нравственно-воспитательные действия или примеры. Отсюда для протестанта храм Божий с его богослужением является училищем веры, лишь словом поучения и живым примером воздействующим на духовно-нравственное развитие человека, однородным по существу со всякой школой и даже с театром, а пастор есть лишь избранный самой общиной учитель веры – руководитель нравственной жизни, не имеющий нарочитой благодати священства от Христа и апостолов, идущей чрез рукоположение архиерейское и лишь в себе самом – в своей проповеднической способности и, пожалуй, нравственной жизни, носящий залог своего пастырского достоинства.

Не ясно ли, как отразилось все это в строе религиозно-нравственного воспитания и образования и в наших светских высших и средних учебных заведениях? Не отсюда ли именно и вышло, что у нас – в этих заведениях Закон Божий есть не больше, как предмет классного теоретического изучения христианской веры, а законоучитель – лишь преподаватель этого предмета, имеющий успех от своей «талантливости»? Не отсюда ли вышло и то, что не только законоучитель, как отдельное лицо в составе учительской корпорации, не признается компетентным судьей в деле внеклассного, так сказать, жизненно-практического духовнонравственного воспитания, а и сама Церковь с ее священными канонами и уставами не имеет руководящего значения в этом вопросе больше, чем разум человеческий с его научно-психологическими познаниями и художественно-эстетическими воззрениями? Не это ли протестантско-рационалистическое влияние сказалось у нас в самой официальной постановке строя духовной жизни нашей светской школы, в распределении, например, учебных и учебных – праздничных дней, в необязательности при учебном заведении храма и в освобождении не только учащихся, а и учащихся от неотложного исполнения ими положенных Церковью разных церковно-богослужебных обрядов до вопроса о ежегодной исповеди и причастии включительно? Не отсюда ли, например, последнего рода церковное требование не только не признается неотложнообязательной мерой религиозно-нравственного воспитания, а и прямо-таки обзывается «насилием совести»⁴, противным, будто бы, и

учению Христову, как понимает его здравый смысл?... А на ряду с этим от каждого воспитателя неотложно требуется исполнение всяких других его обязанностей и идет проповедь об обязательности всеобщего обучения. Какая непонятная и несправедливая непоследовательность!...

Все эти отмеченные нами, равно как и другие подобные факты и явления, вполне понятны с протестантски-рационалистической точки зрения; но как примирить их с нашим православным учением о спасении, которое состоит не в самодовлеющем следовании за Христом своими собственными силами, а и в самом следовании этом зависит от освящающей нас благодати Христовой, подаваемой по вере нашей в Церкви православной? Как примирить эти факты и явления с нашим православным учением о Церкви, не как училище только веры и нравственности, а и сокровищнице благодати Св. Духа, подаваемой нам в таинствах и обрядах церковных пастырями Церкви? Как примирить их с нашим учением о самих пастырях Церкви, как строителях тайн Божиих, и храмах христианских, как месте нашего освящения, – корабле, спасающем нас от потопления в море житейском?... Признаемся, что самое название церковного религиозно-нравственного образования Законом Божиим, а пастырей Церкви – законоучителями, происходит от рационалистически-протестантского понимания дела, нам кажется неточным с православной точки зрения и для нашего православного уха странным.

В самом деле, стоит вдуматься в то беспримерное значение, какое имеет храм с его устройством и принадлежностями богослужения, равно как самое это богослужение в православной церкви. Знаменательно в этом отношении уже то, что мы, православные, в обычном словоупотреблении храм свой называем церковью, выражая этим ту мысль, что в храме собираются истинно-верующие во Христа не для общей молитвы только, не для вознесения только ума и сердца верующих к Богу, а и для наущения в истинах веры и благочестия преподаваемых священнослужителями от лица и во имя Господа и для освящения себя в совершаемых теми священнослужителями таинствах и обрядах церковных благодатью Святого Духа, для взаимообщения в вере и любви через посредство того же, священства со всеми верующими не только живыми, а и усопшими и святыми и ангелами. Таким образом, наименованием храма церковью мы живо, наглядно и полно выражаем и, так сказать, олицетворяем идею церкви Христовой в самом ее существе и в этом смысле вообще – идею религии, как союза человека с Богом. И это вполне понятно; истинная нравственность не может быть без веры в Бога, культ же и есть то связующее их между собою звено, которое служит, так сказать, центром

религии. Не поэтому ли иконопочитание утвержденное на седьмом вселенском соборе, на Константинопольском соборе 824 года наименовано было торжеством православия? Недаром именно богослужение в константинопольском храме св. Софии так пленило своим благолепием послов св. князя Владимира, что имело решающее значение в вопросе о принятии именно греческого христианства нашими предками.

Если таково значение православного храма и совершаемого в нем богослужения вообще в духовной религиозно-нравственной жизни христианина, то какое же неотменно существенное значение должен иметь он в деле воспитания—в деле развития и укрепления этой жизни в детях ! Поистине, он должен быть, по прекрасному выражению М. Н. Каткова, одушевленным Духом Святым сердцем школы, душою ее. В строгом соответствии с таким воззрением М. Н. на значение храма в школе, в основанном им лицее храм устроен в самой середине здания, так что его видно из всех классов и из всех пансионов; к нему, как к центру, сходятся все остальные помещения лицея, чтобы тем легче и удобнее было всем живущим в лицее всегда прибегать в нем с молитвою к Богу; иконостас, устроенный по образцам VIII в., делает алтарь открытым, чтобы детям виднее было совершающееся в нем богослужение и они тем живее и сознательнее могли участвовать в нем своими душами. Не без значения в этом отношении самое посвящение храма имени святителя Николая – ангела в Бозе почившего Цесаревича, и подбора, св. икон, изображающих имена тех угодников, которые были небесными покровителями основателей лицея и других дорогих для него лиц. Достоин внимания в этом храме и то, что вся почти богатейшая утварь его составила из добровольных приношений оканчивающих курс лицейских в залог непрерывающегося духовного общения их с лицеем. На молитвенную память об усопших деятелях и учениках лицея имена их не только постоянно поминаются за богослужением, а и начертаны на особых досках на стенах храма. Так, храм лицея самым устройством своим постоянно напоминает детям о духовном общении в Боге со святыми Его, с усопшими и живыми членами лицейской семьи.

Нет, конечно, нужды говорить о значении домового храма при учебном заведении для более живого и наглядного, а вместе с тем, и более основательного классного преподавания Закона Божия – именно учения о богослужении; это очевидно само собою. Важнее этого то, что в собственном храме учебного заведения воспитанники почти все – одни чтением, другие пением, третьи прислуживанием священнослужителем в алтаре, иные возжжением светильников и т. п. могут участвовать в

богослужении не пассивными зрителями и слушателями его, а сознательно действующими и через это не только ближе знакомиться с порядком и строем богослужения, а и свыкаться, сродниться с ним, полюбить его; и нужно сознаться, что в действительности так это и бывает. Искра этой любви заложена в детском сердце; стоит лишь поддержать и разогреть ее, довести ее до сознательного и разумного состояния.

Но всем сказанным нами доселе воспитательное в религиознонравственном отношении значение храма с его богослужением в учебном заведении выясняется лишь с одной, так сказать, психологической, субъективной стороны. А в этом деле есть и другая – более существенная, так сказать, объективная сторона; ибо храм христианский есть не только дом молитвы, а и дом Божий в собственном смысле слова, и совершаемое в нем богослужение есть, как сказали мы, не обращение только человека к Богу с прошениями, благодарениями и славословиями, а и ответ, так сказать, Бога на это обращение человека, заключающийся в преподании нам от Бога истины Его и благодати – в чтении св. Писания, пастырских поучениях, в таинствах и обрядах. И нужно ли подробно говорить о том сокровище духовном, которое неистощимым потоком может изливаться из этого источника истины и благодати в детскую душу?

В одной из своих глубоких по мысли и строго-православных по духу статей о христианском воспитании, М. Н. Катков сравнивал православную школу с церковным приходом. «Как приход, – говорил он, – есть свободная духовная семья, живой духовный союз, члены которого, объединяясь в своем приходском храме, из него, именно – из совершаемого в нем богослужения, почерпая и просвещение разума, и очищение сердца, и укрепление воли, его благодатными священнодействиями освящая весь уклад своей даже бытовой жизни во всех ее изгибах и в каждый ее момент; так точно должно быть и в православной русской школе. В домовом храме учебного заведения должны совершаться все те службы церковные, что и в приходском, и читаться все те праздники и другие установления Церкви, что и в приходе»... В этом храме должны совершаться не только всенощные и литургии в воскресные и праздничные дни, а и службы великопостные, за которыми воспитанники должны приступать к святым таинствам исповеди и причастия; церковным богослужением должны быть освящаемы не только храмовые праздники, а и другие достопамятные для заведения дни, равно и дни ангелов воспитанников; церковными молитвословиями должны быть освящаемы все не только выдающиеся события общегосударственной, общественной и школьной жизни, а и

повседневный строй ее. Представьте себе любую из картин такой жизни. Вот, напр., время начать уроки; ученики все собрались в домовый храм заведения для общей молитвы и усердно кладут поклоны, прося божественной помощи в предстоящем труде. Думаете ли вы, что ничего не даст этим детям и ничем не отзовется в их робких душах священническое благословение, которым закончилась молитва? Если даже такими окажутся лишь единицы из сотни предстоящих – и это разве уже не приобретение, о котором радость бывает великая на небеси?... .

Не правда ли, как прекрасно все это? Но если от этих радужных мечтаний о будущем мы обратимся к настоящей действительности и заглянем в существующие на лицо питомники грядущих поколений, в огромном числе своем не имеющие своих храмов с оо. законоучителями, которые не только учеников своих не могут питать от трапезы Господней, а и сами-то для удовлетворения своих религиозных потребностей ходят в приходские храмы, если вдумаясь, как через изгнание из строя внутренней жизни этих православных школ уставно-церковного уклада его, воспитывающиеся в них дети мало-помалу и незаметно, тем не менее прочно, сживаются со своим положением – привыкают обходиться без Христа и Его благодати, перестают жить духовной жизнью и т. д. и т. д.: «зияющая рана, прикрываемая настоящим внешним декорумом», откроется со всеми ее ужасами и тяжким укором совести отзовется на сердце.

Я почти уверен, что эти речи возбудят недовольство в очень многих и вызовут целый ряд возражений в оправдание и отстаивание настоящего порядка вещей; некоторые из этих возражений мне уже приходилось слышать, и я считаю долгом ответить на них и тем разъяснить свои *ria desideria* в их практическом приложении к делу.

«Большинство наших средних учебных заведений, особенно построенных давно, когда наплыв учащихся не был так велик, как теперь, так стеснены, говорят, в своих помещениях, что едва ли возможно найти в них приличное место для устройства храма; еще труднее изыскать средства для такого большого и многоценного дела». Так говорят нередко сами начальники учебных заведений, не имеющих своих храмов, и тем оправдывают свое уклончивое отношение к неоднократным напоминаниям об этом важном деле со стороны высшей духовной власти; но говорят напрасно...

В каждом учебном заведении имеющем, разумеется, собственное помещение, существуют рекреационные и актовые залы, которые с удобством могут быть приспособлены к устройству храма. Для этого нет

даже нужды превращать эти залы в церковь и тем лишать школу особого места для экзаменов зрелости, актов, рекреационного времени и т. п.; вполне достаточно, если к такому залу с восточной (приблизительно, разумеется) стороны или пристроено будет, или присоединено через перестройку небольшое помещение для святого алтаря и солеи перед ним, а в стене отделяющей это помещение от зала, проделаны будут или арки или, еще лучше, сквозные пролеты, которые на внебогослужебное время могут быть закрываемы или какими-либо створчатыми перегородками, или даже завесами. Таким образом, актовый зал, не теряя своего обычного назначения, во время богослужения или молитвы будет местом для предстояния молящихся. Высказываемое некоторыми соображение, что временное обращение актового зала в место для церковной молитвы и такая непосредственная близость его к храму, будет оскорблением святыни, в некотором роде профанацией ее и вместе с тем послужит к ослаблению благоговейного отношения детей к самой этой святыне, – соображение, так напоминающее собою мотивировку железнодорожного иконоборства, при всей его фарисейской благовидности, лживо и несостоятельно. В основе его лежит неверие в действительное значение божественной благодати. Мы веруем и должны верить что не зло – не греховное поведение детей победит собою – унизит и обессилит добро – святыню благодати, а наоборот, и кто по собственному опыту не знает, как один вид святой иконы с теплящейся перед ней лампадой и даже одно воспоминание о ней удерживали нас иногда не только от дурных дел и слов, а и помышлений! Почему этого не может быть и в рассматриваемом нами случае?

Этот указываемый нами способ устройства домового храма при учебном заведении, конечно, больше, чем вдвое, должен уменьшить расход на его внешнее, так сказать, устройство. Но еще меньше потребуется средств на внутреннее устройство храма – на иконостас и церковную утварь. При предполагаемом нами способе устройства храма иконостас должен быть очень невелик, и нет никаких резонов ревновать об его богатом убранстве, а утварь церковная, на первое время лишь самая необходимая, может и должна постепенно и постоянно пополняться через отмеченные нами выше ежегодные приношения оканчивающих курс воспитанников. Конечно, и при всем этом средства все же нужны, и немалые; но если в сельских приходах, населенных бедным крестьянством, при усердии к Божьему храму прихожан его и лиц, заведующих его хозяйством, находятся средства для устройства обширных сравнительно каменных храмов, то можно ли думать, что такие средства

не найдутся в столицах, в губернских и уездных городах, где, обыкновенно, и находятся средние учебные заведения и где, без сомнения, гораздо больше, чем в деревне, лиц состоятельных и богатых даже между теми, дети которых обучаются в этих учебных заведениях? Русский человек, слава Богу, любит благотворить, и особенно на дело церковное; нужно лишь усердие и забота со стороны тех, кому о сем ведать надлежит...

Еще несостоятельнее возражения против самого уставно-церковного строя внутренней жизни светских учебных заведений. Главное возражение, в этом вопросе касается времени, которое потребуется при этом отнять от учебных занятий. Сравнивая число учебных дней в наших средних учебных заведениях с тем, какое полагается в тех же опять немецких гимназиях и реальных училищах, и какого будто бы на целую четверть у нас меньше, чем у немцев, возражатели прямо-таки (искренно или неискренно—это их дело) ужас выражают при одном напоминании о церковном праздновании в учебных заведениях некоторых из тех дней, которые теперь считаются учебными, и о необходимости, следовательно, еще и еще сократить и без того краткий учебный год. А так как с постоянным развитием науки естественно должен расширяться и учебный материал в школьном курсе, то с предлагаемым во имя оцерковления школы сокращением учебных дней еще более должно будто бы увеличиться то переутомление, которым и теперь так страдают наши дети, тем более, что церковные праздники с их продолжительными богослужениями вовсе не могут быть названы отдыхом...

Таково возражение, которое особенно часто приходится выслушивать ревнителям церковности школы. Поражает оно с первого взгляда теми крайностями, которые сходятся в нем, — теми взаимно исключаящими себя противоречиями, с которыми мирятся возражатели во имя своего нерасположения к церковности. С одной стороны, возражатели скорбят о краткости учебного времени и, следовательно, признают чрезмерное обилие свободного времени, с другой — вопиют против переутомления детей и при этом указывают одну и ту же причину для этих взаимно исключаящих себя явлений в усилении церковности. Не обличают ли они этим самым свою несостоятельность; ибо не может же одна и та же причина производить совершенно противоположные действия? Не ясно ли, что если эти явления действительно существуют, то причина их не в церковности, а в чем-то другом? Мы осмеливаемся даже думать, что только или намеренно закрывающие свои глаза или ослепленные пристрастием могут не видеть, откуда происходят эти уживающиеся у нас

вместе взаимно себя исключают явления.

В самом деле, не удивительно ли, что возражатели против оцерковления нашей средней школы в духе православия, будучи поклонниками западного образования рационалистического направления и его желая пересадить на русскую почву, не обращают внимания на то, что ни в одном из западных государств учебные заведения не имеют таких долгих летних каникул, какие в последнее время существуют у нас. Ведь самый меньший срок их у нас три месяца, а в предшествовавшие годы для тех из воспитанников, которые имели право по своим успехам переходить в следующий класс без экзаменов, каникулы эти продолжались четыре месяца, т.е. уже не четверть, а треть года. В оправдание этого указывали и указывают на то, что май и июнь месяцы – это период полного расцвета природы, пора тепла и даже жары, самая лучшая пора для отдыха и укрепления физических сил детей на лоне природы, и грешно было бы не только лишать их этого, самой природой указываемого срока для отдыха а, наоборот, в это именно время мучить их усиленными экзаменическими трудами в душных комнатах. Но отсюда следует не то, что эти месяцы надлежит присоединить к июлю и августу считавшимся каникулярными и в прежнее время, а лишь то, что или нужно заменить ими последние, т.е. перенести каникулы с июля и августа, на май и июнь, как это и есть на Западе, где июль и август считаются учебными месяцами, или наоборот. Соглашаемся, что май и июнь – лучшие месяцы для укрепления физических сил детей на лоне природы при разумном, конечно, пользовании ими посредством разного рода игр, прогулки и т. п.; но крепко стоим за то, что старые русские каникулы в июле и августе целесообразнее и общедоступнее у нас, чем в мае и июне, потому что у нас в это именно время совершаются разные полевые работы, участие в которых детей может служить лучшим укрепляющим их физические силы средством. Отделяя в этих соображениях для детских каникул июль и август, наши деды и отцы не были равнодушными и к майским гуляньям, и потому в старой духовной школе существовали так называемые, майские рекреации, которые состояли в том, что некоторые будние дни в мае месяце определялись на полное гулянье детей именно на лоне природы... Но оставим эти подробности.

Суть дела, в том, что летние каникулы должны быть неотменно сокращены, по крайней мере, на половину против настоящего их срока. Это возвращение к старому у нас, а на западе и настоящему, порядку вещей сразу должно изменить дело, т.е. и учебное время увеличить и переутомление уничтожить. Без этого уменьшения летних каникул не

может уничтожиться и настоящее пресловутое переутомление со всеми его губительными следствиями и спутниками, если мы действительно не хотим и не должны сокращать свои учебные курсы и через то понижать самое образование. Чтобы не распространяться много и в то же время быть понятными и убедительными в своей речи, позволим себе употребить, может быть, не совсем красивое, но справедливое сравнение воспитания с простым питанием. Не нужно быть умным врачом-специалистом, чтобы понять, что одна и та же по своим качествам и даже по количеству пища может или укреплять наш организм, если будет принимаема нами в несколько равномерно по времени распределенных приемов, или ослаблять и расстраивать его, если будет принимаема за раз полностью, без промежутков. Рабочая лошадь менее устанет и даже скорее, пожалуй, пройдет определенное расстояние, если будет совершать его с равномерно распределенными передышками, чем если все потребное ей на эти отдыхи время скучено будет на один срок. Примените эти простые и общепонятные, но верные рассуждения к делу образования нашего юношества, и вы поймете, отчего при чрезмерном сравнительно с прежним удлинением вакациального времени наши дети чрезмерно же сравнительно с этим прежним, временем переутомляются. Удлинение каникул при оставлении того же учебного материала для учебного года, а вернее при увеличении его, естественно, ведет за собой усиление занятий в учебное время, а это, в свою очередь, неизбежно влечет за собой усиленное истощение сил учащихся, которое, прогрессируя, может дойти до того, что не может быть восстановлено никакими самыми длинными отдыхами. Совсем другое дело будет, если через увеличение учебного годового времени в общем дана будет возможность уменьшить занятия в каждый отдельный, так сказать, момент этого времени... В этом именно смысле верна старая народная пословица: тише едешь, дальше будешь. Поясним это на цифрах.

В настоящее время учебных дней в году приходится от 160 до 170, что при пятичасовых уроках в день даст 800–850 часов в год. Если же мы сократим летние каникулы на 2 или даже на 1,5 месяца, то за вычетом приходящихся на этот срок праздников (6–8) к настоящему учебному году прибавится еще 38 или 40 дней, т.е. всего будет не меньше 200 учебных дней. Если из этих 200 мы вычтем еще 8 или даже 10 дней на некоторые церковные праздники, которые теперь считаются учебными днями, и в данном случае всех дней в учебном году останется 192–190, т.е. на 20–25 дней больше против настоящего числа; а это, в свою очередь, даст возможность, при сохранении тех же 800–850 учебных часов в год,

уменьшить в каждом дне один часовой урок и, следовательно, сократить занятие ученика в каждый день, по крайней мере, на 1,5 часа. Присоедините к этому и то, что при большем суточном отдыхе и при меньшем количестве уроков в голове воспитанника меньше будет разнообразных впечатлений, мыслей и т. д.

Из сказанного думается ясно, что это лучший способ к ослаблению пресловутого переутомления наших детей. Но дело не в этом. Дело в том, что через это дана будет возможность ввести в школьную жизнь большую приноровленность ее к уставу церковному, отсутствие чего в настоящее время даже прямо вредно в религиозно-нравственном отношении.

В самом деле, вот, напр., ученик выслушал в классе на уроках Закона Божия и по книжке усвоил учение православной Церкви о Великом посте и его богослужении – о литургии преждеосвященных даров, о покаянном каноне св. Андрея Критского и т. п. Наступила первая седмица этого поста; православные люди, преимущественно из неинтеллигентных, откликаясь на унылый перезвон колоколов, спешат в Божьи храмы к меоимонам и другим службам церковным, которые так глубоко и действенно готовят душу человеческую к покаянию и достойному приобщению св. Христовых тайн, так что суббота, первой седмицы является для этих говельщиков, поистине, светлым праздником. Одни дети, обучающиеся в наших светских учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения, занятые уроками, не могут поговорить и приступить к св. тайнам на этой седмице. Правда, они обязаны также исполнить этот христианский долг на Страстной неделе,; но, приехав домой из отпуска в Вербное воскресенье, они, при той распутице, какая бывает нередко в это время, еле-еле побывают на службах, в первые три дня этой недели с тем, чтобы после службы в Великую среду исповедаться и в четверг приобщиться... Если даже предположим, что они все первые три дня будут ходить в церковь, и в таком случае эти службы не произведут в них того умиленно-покаянного чувства, какое само собою дается службами остальных седмиц Великого поста, и особенно первой; как то ни странно, но то правда, что этому мешает совершаемое на этих службах рядовое чтение всех четырех, евангелистов. После 1,5 или 2-часового слушания этого чтения едва, ли можно рассчитывать на внимательное выслушание литургии преждеосвященных даров. А канон святого Андрея так и остается для них одним лишь именем пустым. Неужели же после всего сказанного можно серьезно говорить, что прекращение или уменьшение классных занятий на первой седмице Великого поста такой большой ущерб принесет научным занятиям, что

можно искренно приходить от этого в ужас? Не так давно один из оо. законоучителей г. Москвы на страницах «Моск. Церк. Ведомостей» рассказал, как в одном из институтов удалось и говенье воспитанниц устроить на 1-й седмице с слушанием литургий преждеосвященных даров и великого канона и сохранить две трети обычных поделных уроков. Опыт очень удачный, но ведь он далеко не новый в той же самой Москве. В лицее Цесаревича Николая вот уже двадцатый год, на первой седмице Великого поста в первые четыре дня вместо 3-го урока от 11 до 12 ч. и вместо 6-го от 3 до 4 ч. ученики бывают за службами, выслушивая весь канон св. Андрея, часы с вечернею и преждеосвященной обедней, а в пятницу и субботу совсем освобождаются от учебных занятия и, присутствуя за всеми службами, приступают к таинствам покаяния и причащения. Таким образом, всего на это св. дело тратится только три с половиной полных, учебных дня; а сколько духовной радости, духовного опыта, духовной силы и крепости, сколько подъема духовных сил, и какой тесной глубокой духовной связью объединяются через это дети и между собой и со своим духовным отцем-законоучителем!

Еще пример. Вот, можно сказать, всероссийский праздник преп. Сергия Радонежского—этого небесного покровителя и печальника земли нашей, собирающий в Божьи храмы самых недосужных тружеников; в наших светских учебных заведениях, даже московских, уроки идут своим чередом и от занятий несвободны даже те из учеников или учителей, которые носят имя этого святого... Кстати о праздновании дня ангела. Под влиянием, очевидно, все той же немецко-протестантской школы у нас в интеллигентных кругах стали совсем забывать этот исключительно православный обычай. Не только дети, а и отцы, очень часто не знают ни жития своего ангела, ни тропаря ему и не считают своей обязанностью праздновать день этот церковно. А ведь по учению православной Церкви, как каждый храм посвящается имени того или иного святого, почитаемого покровителем его, и день его памяти празднуется, как великий праздник, так точно и для каждого из верующих, которых св. апостол называет храмами Божиими (1Кор. 6, 19), день его ангела или того святого, имени которого посвящен он, как храм Божий, есть его, так сказать, храмовой праздник. Как же может быть забываем или пренебрегаем в церковном отношении этот день? А у нас, напр., не считается неучебным днем храмовый (хотя бы только главный) праздник той церкви, в приходе которой находится учебное заведение, не имеющее своего храма, даже больше – не считается, напр., праздником 23-е ноября в той школе, где есть храм во имя св. благоверного Александра Невского. А о родительских

субботах, или днях поминовения усопших, каковых дней у нас можно считать три (суббота около 26 октября, перед Сырной седмицей и Пятидесятницей), в школе, нет и помина; между тем как Сырная седмица, которая, по уставу церковному, есть приготовление к Великому посту и в среду и пятницу которой не бывает далее литургии и полагаются поклоны с молитвой св. Ефрема Сирина, у нас празднуется... Впрочем, в этом последнем виновата не одна светская, а и духовная школа и вся вообще наша жизнь.

Но довольно примеров; тем более, что ими почти и исчерпывается все то время, которое желательно было бы отнять от учебных занятий для религиозно-нравственных потребностей. Другими словами, этого времени всего лишь 7–40 дней, или 1/4 того излишка учебного годового срока против существующего, какой образуется через сокращение летних каникул... К чему же, в конце концов, сводится то возражение против усиления церковности в школе через введение новых праздников, которое с таким пафосом высказывают наши западничаствующие ревнители просвещения во имя времени?

Так, при ближайшем рассмотрении дела оказываются вполне несостоятельными самые, по-видимому, неопровержимые возражения против введения церковной уставности в строй жизни наших светских учебных заведений, по образцу или примеру наших народных церковно-приходских и духовных школ или далее английских, если нужны непременно западные образцы, и нет нужды развивать эту мысль в ее практических подробностях дальше. Начальник школы знакомый с этой уставностью не книжно только, а и опытно и идущий рука об руку в деле воспитания с преданным своему делу законоучителем всегда не только найдет, где, когда и в чем должна быть проявлена эта церковность в школьной жизни, а и сумеет применить ее без малейшего ущерба образовательным в собственном смысле слова задачам школы.

Согласны, что все подобного рода меры могут не только остаться бесплодными для детей в религиозно-нравственном отношении и прямо вредными, развивая в них лишь лицемерие и фарисейство, но это в том лишь случае, если все эти меры мы будем считать обязательными для одних лишь детей и учеников наших, а не для самих себя вместе с тем, если мы насильно будем заставлять исполнять те или иные церковные уставы и обряды одних лишь детей, а сами лишь свысока, начальнически будем надсматривать над ними, не подавая им в этом отношении никакого доброго примера, а пожалуй, еще и наоборот. Если в то время, как ученики будут присутствовать, напр., за всенощным бдением под великий

праздник, а учителя, под тем предлогом, что этот вечер у них единственный в неделю, когда они могут просидеть долго, потому что на утро могут спать долго, вместо всенощной будут отдыхать дома, как будто малые дети, присутствующие за службой, менее их трудились по-своему, а они менее детей нуждаются в освящающей людей благодати Божией; тогда подобными мерами мы разовьем в детях не только лицемерие и фарисейство, а и еще хуже – кощунственное неверие.

Но зато тогда и причина этого будет лежать не в самом этом воспитании, а в личном отношении к нему воспитателей и учителей. Они своим небрежным и критически-недоверчивым отношением к церковным обрядам и установлениям будут виноваты в том, что воспитанники будут относиться к этим обрядам и установлениям *всуе*. Они – эти высокомудрствующие педагоги и учителя повинны будут в том соблазне малых сих, за который, по слову Господа, мало потопить соблазнителя в пучине морской с камнем на шее (Мф. 18, 6). Но совсем другое дело, если в исполнении церковных уставов и обрядов, наравне с детьми, примут участие и учителя и воспитатели, если и эти последние отнесутся к ним с сознанием важности их, со всем возможным вниманием и благоговением... Тогда самое это благоговейно-внимательное отношение их к этим обрядам и уставам будет для воспитанников авторитетным подтверждением истинности и важности их. Пример народной школы Рачинского, в которой все это практически-обрядовое религиозное ведется со всей аккуратностью, при живом участии самих учителей, и производит самое благотворное влияние не только на настоящее школы, но и на людей, совершенно посторонних, лучше всяких рассуждений подтверждает истинность сделанного нами заключения. Но он же объясняет нам и то, как устроить это святое дело...

Заключая свою речь о нравственно-воспитательном характере и направлении образования в светских средних школах, мы, конечно, не думаем, что сказали все, что, по нашему мнению, необходимо для постановки дела на желанную высоту. Дело это слишком велико и сложно для того, чтобы можно было очертить его со всех сторон и во всех отношениях в одной речи; наша же речь представляет собою лишь слабые наброски, лишь контур картины. Мы далеки от мысли и о том, что указанные и намеченные наши меры сейчас же могут быть приложены к делу, к жизни, полностью, во всей их силе; жизнь той школы, о которой у нас речь, во всех почти изгибах своих связана, самыми неразрывными узами с семейной и общественной жизнью той среды, к которой

принадлежат питомцы ее по своему составу; а среда эта и сама не меньше, если еще не больше, чем школа, ушла в строе и направлении своей жизни от тех православно-русских устоев, которыми создано все величие нашей родины. Пусть слово наше не всеми принято будет к сведению и исполнению даже в тех его частях, практическая применимость которых и при наличных условиях школы очевидна и несомненна, и вызовет возражения со стороны тех, кому близки и дороги духовные интересы подрастающего поколения. И это уже будет шаг вперед в том великом деле, к которому зовет нас Царь наш.

Примечания

¹ - Всестороннее раскрытие и обоснование этой мысли желающие могут читать в изданной С. И. Фишер книжке: М. Н. Катков, Наша учебная реформа, где собрано все сказанное им по этому вопросу в «Моск. Ведомостях» с 1864 по 1871 г. Много существенно важного и основательного о значении классицизма можно найти в статьях гр. П.А.Капниста, В.А.Грингмута, С.А.Рачинского, А.И. Георгиевского, Дроздова и др.

² - Ср. «Русский Вестник», 1902 г., июнь, стр. 540–541.

³ - Знаменательно в этом отношении то, что св. бытописатель, сказав о предвечном Совете Божьем создать человека по образу и подобию Своему, о самом сотворении замечает, что оно было лишь по образу Его. Подобия не дано было сотворенному человеку; его он должен, следов., приобретать себе сам, сам должен развивать свою душу, как образ Божий, в ее богоуподоблении. Получив от Бога разум, как стремление к истине и способность усваивать ее, человек должен сам в удовлетворение этого стремления приобретать знание и постигать истину, для чего Бог привел к Адаму всех животных, да наречет им имена, и результатом этого изучения природы было познание человеком самого себя. Уже в этом первом, так сказать, педагогическом действии по отношению к человеку со стороны Самого Творца мы не можем не заметить согласования деятельности умственных сил человека с упражнением и воли его в подчинении воле Божией; для того же, чтобы показать, что это упражнение воли в подчинении воле Божией имеет значение и само по себе и так же существенно важно, как и развитие ума, Богу благоугодно было дать нарочитую заповедь о невкушении плодов с древа познания добра и зла. Оправданная в своей согласии с разумом опытом жизни, заповедь эта в своем непосредственном и прямом смысле имела отношение именно к воле человека, как предмет для упражнения ее именно в соответственном ей назначении. В этом взаимообщении деятельности разума и воли и была жизнь; и эта жизнь была так добра зело – прекрасна и сама по себе и по своему воздействию на сердце человека постольку и дотоле, поскольку и доколе она в том и другом отношении была в согласовании с Богом – Его премудрою волею. В этом развитии своих сил в направлении, согласном с мыслями и волей Божьей, человек выражал любовь свою к Богу – стремление этим путем вступить в общение с Богом, – в общение жизни Его, в чем собственно и должно состоять духовное блаженство человека. И

вслед за этим-то духовным блаженством, как плод гармонического развития духовной жизни, должно было настать, и действительно настало и внешнее, если угодно, блаженство, состоявшее в безболезненной и потому бессмертной телесной жизни и владычестве над природой. Но вот человек вольною своею волею пал, и вслед за падением настало лишение этого блаженства, как естественный результат расстройства первобытной гармонии духовной жизни. Падение это состояло в нарушении заповеди Божией, в преслушании и своеволии; но, будучи важным актом душевной жизни человека, оно вместе с тем было и сознательным отворачиванием сердца человеческого от любви к Богу, источнику жизни. Глубоко поучительно в этом отношении было бы сделать психологический анализ библейского повествования о грехопадении прародителей; но это завело бы нас слишком далеко от нашей задачи указать психологические основы духовного развития человека, которому должно служить образование.

⁴ - Предположенная реформа нашей средней школы С.–116. 1902 г., 23 стр.

⁵ - Мера эта, теперь почти совсем не практикующаяся, несомненно, должна иметь громадное не только нравственное, а и религиозно-воспитательное значение в строго православном духе. Тогда, может быть, мало-помалу исправится то протестантствующее отношение к носимым нами именам и празднованию дня рождения вместо дня ангела, которое дошло теперь до крайних границ.

⁶ - Подробное, по творениям св. отцов, изложение их учения о воспитании см. в книге прот. Дернова: Чтения по Закону Божию.

⁷ - На русском языке можно найти достаточные сведения об этом предмете в статье, напр., Будзько в журн. „Вестник Воспитания» за 1890 г., кн. 1, „Мысли немца об английской школе». В этой статье изложено содержание книги Раттенбургского субректора г. Райдта об английских школах, которые посетил он по поручению приюта Бисмарка. См. также в календаре лицея Цесаревича Николая за 1872–73 г. статью: «Фома Арнольд, директор английской публичной школы в Рогби».

Содержание

Заветные думы служителя Церкви протоиерей Иоанн Соловьёв	1
I глава	4
II глава	29
Примечания	52